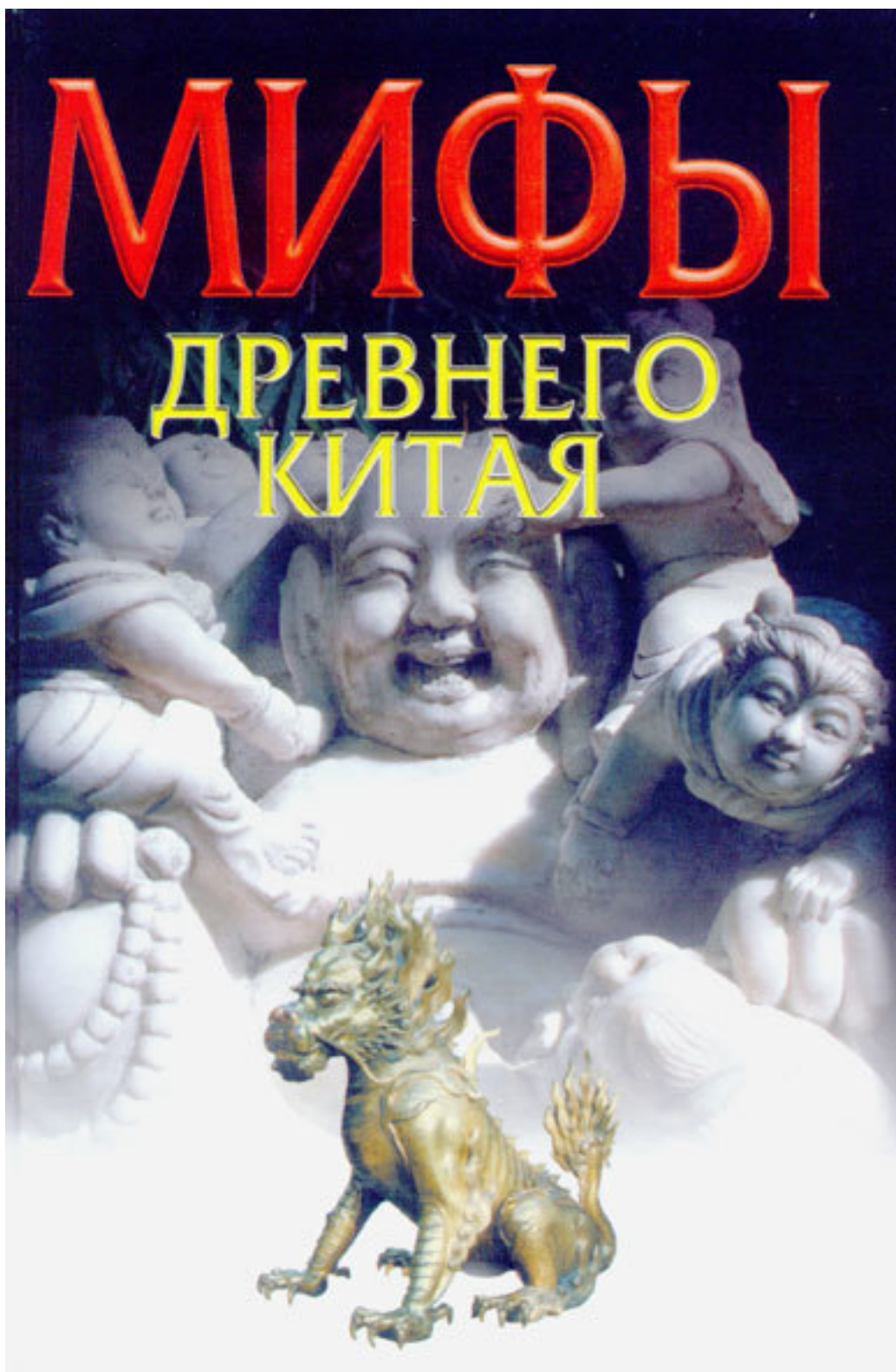

МИФЫ

ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Мифы народов мира (АСТ)

Игорь Родин

Мифы Древнего Китая

«Автор»

2003

УДК 291 (510)
ББК 82.3(5Кит)

Родин И. О.

Мифы Древнего Китая / И. О. Родин — «Автор»,
2003 — (Мифы народов мира (АСТ))

ISBN 5-17-016851-9

Эта книга знакомит читателя с основными сюжетами и персонажами мифов и легенд Древнего Китая. Китайская мифология – сложная, во многом противоречивая система представлений, образов и сюжетов, формировавшихся тысячелетиями. Божества и духи, великие герои, жители удивительных стран и простые смертные, чьих судеб коснулось чудо, в образах магов и прорицателей, бесов, оборотней и фантастических животных – все вместе они составляют единый, но весьма разнообразный, таинственный и причудливый мир, который, несомненно, завладеет воображением внимательного читателя.

УДК 291 (510)
ББК 82.3(5Кит)

ISBN 5-17-016851-9

© Родин И. О., 2003
© Автор, 2003

Содержание

Введение	6
I	30
Инь и янь	30
Хуньдунь – воплощение первобытного хаоса	31
Паньгу – творец мира	32
II	34
Богиня Нюйва лепит людей из глины	34
Нюйва – богиня любви и брака	35
Нюйва спасает мир от гибели	36
III	37
Дети спасаются от потопа	37
Нюйва и ее брат Фуси	39
IV	40
Удивительные жители неведомых стран	40
Народы, удивительным образом производящие потомство	43
Страны, населенные людьми необычного роста	45
Фантастические существа – полулюди-полузвери	47
Мифы и легенды о драконах	49
Феникс	51
Другие удивительные животные	52
Лиса	53
Чудесные птицы	54
Странные существа	55
Мифические существа – неиссякаемый источник пищи	56
Фантастические морские обитатели	57
V	58
Чудесные деревья	58
Чудесные плоды	59
Деревья с драгоценными камнями вместо плодов	60
VI	62
Боги четырех стран света	62
Как небесные владыки поделили мир	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

В. В. Ежов, И. О. Родин Мифы Древнего Китая

© ООО «Родин и К», 2003

Введение

I

Пожалуй, нет ни одной древней цивилизации, которая бы вызывала столь пристальный интерес, как цивилизация Древнего Китая. Причем интерес этот особенный, отличающийся от того, который проявляют исследователи и все, кто интересуется вопросами происхождения культуры, к, скажем, Древнеегипетской цивилизации или к цивилизациям Месоамерики. Древнекитайская цивилизация уникальна тем, что дошла до нас в непрерывной традиции, что она не является результатом только археологических и антропологических разысканий на руинах погибшей культуры, но познается как органический, живущий и поныне феномен, входящий составной частью в культуру нынешнего Китая.

Это указывает на своего рода уникальную живучесть мировосприятия китайцев, дает пример культурного развития без радикальной ломки устоев прошлого во имя утверждения настоящего, пример относительно мирного сосуществования и ассимиляции не только различных религий – даосизм, буддизм, конфуцианство – но и мировоззренческих систем различных этапов развития общества (тотемизм, шаманизм). Для мировосприятия китайцев вообще всегда была чужда религиозная нетерпимость (исключая, пожалуй, лишь XX век, ознаменовавшийся «культурной революцией»). В отличие от христианства и ислама, считающих своим долгом навязывать свои религиозные догмы остальному миру (идея мессианства), китайцы (как и большинство народов Востока) никогда не боролись с чужими богами. Они скорее были готовы включить их в свой и без того крайне многочисленный пантеон, лишь бы не нарушать общественного равновесия. Вероятно, это происходило из-за того, что религиозным системам, бытовавшим в Китае, во все времена был чужд жесткий монотеизм (т. е. признание единого верховного божества), свойственный христианству и исламу. Верховное космическое божество у китайцев никогда не было персонифицировано. Скорее, это было некое высшее начало, источник всего, которое не может быть познано (то, что у даосов, например, называлось «уци»). Так что китайцы поклонялись, можно сказать, даже не самому божеству, а его различным проявлениям в окружающем мире. Это могло быть что угодно – от грозного явления природы и болезни до странно ведущей себя бытовой утвари или рождения близнецов. Если некоторому количеству людей это высшее начало являлось в каком-то неведомом ранее виде, это было достаточным основанием для «канонизации» данного явления, возведения кумирни и основания соответствующего культа. Отсюда – своего рода беспрецедентный религиозный демократизм, столь чуждый западному миру. Божества были для китайцев своего рода каналами, связывающими миры, при помощи которых высшее начало могло проявляться в нашем мире и по которым, соответственно, можно было возносить молитвы, приносить жертвы, уведомлять о тех или иных своих пожеланиях – одним словом, общаться с высшим началом. В соответствии с этим, божества могли иметь множество имен, так как проявления высшего начала могли быть самыми различными. «Какая разница кому поклоняться – имена могут быть самыми различными, ведь важно не имя, а то, что за ним стоит», – вполне мог бы сказать каждый из китайцев. В соответствии с этой логикой, идея единобожества (и уж тем более мессианства) показалась бы китайцам чистейшей воды нелепостью, или – в лучшем случае – какой-то разновидностью идолопоклонства. Именно поэтому основные коллизии в религиозных системах Китая разворачивались не вокруг вопроса кому поклоняться и как, но в вопросах проведения божественной воли в земной жизни. Как придать миру вокруг и, соответственно, обществу, вид божественной красоты и совершенства? Как уподобить мир Вели-

кому Творению, в котором царят гармония и равновесие? С теми или иными поправками все религиозные системы Китая отвечали на этот вопрос одинаково: при помощи самосовершенствования. Для даосов это был путь постижения Дао, для буддистов – постепенное слияние с изначальной сущностью мира (достижение состояния будды) и погружение в нирвану, для конфуцианцев – путь «идеального мужа», свято соблюдающего установления (правила) ли. Примечательно, что во всех этих случаях человек не был рабом бога, но всегда занимал позицию волящего субъекта – от выбора самого пути самосовершенствования до скорости передвижения по нему. Замечательно также и то, что человек изначально наделялся возможностью стать одним из «мест» проявления высшего божества, т. е. он вполне мог достичь «божественности» благодаря самосовершенствованию, и в том случае, если он делал это успешно, его вполне могли причислить к «лику святых». У даосов такой человек становился бессмертным, у буддистов – буддой, у конфуцианцев – «идеальным мужем» (правителем, чиновником и проч.) и вполне заслуженно занимал свое место в пантеоне. Идея изначальной греховности (первородного греха) человека, свойственная западным религиозным системам, никогда не была на Востоке среди определяющих. Соответственно, не было идеи изначальной вины и, как следствие, – идеи искупления. Даосские аскеты не умерщвляли плоть во имя искупления мнимых грехов, а наоборот – укрепляли ее путем пробуждения духа. Так, даосы верили, что существует возможность обрести бессмертие на уровне физического тела, полностью подчинив его укрепленному духу, они считали, что тело в этом случае приобретает совершенную пластичность, т. е. возможность трансформироваться во что угодно на материальном уровне. Другими словами, это была лишь техника самосовершенствования, а не добровольное принятие на себя наказания во искупление изначальной греховности человеческого существования. Аналогично самоистязания у индуистов никогда не были самоцелью (т. е. способом искупления грехов), но лишь методикой достижения экстаза и вхождения в состояние измененного сознания для приобретения и демонстрации сверхвозможностей. Правда, идею мироотрицания, хотя и в существенно ином виде, мы находим в буддизме, который считал существование, т. е. проявленность в материальном мире, изначальным злом. Однако если мы внимательно посмотрим на систему основополагающих ценностей буддистов, мы увидим, что существенно они отличаются лишь в одном пункте: буддисты вводят в свою систему понятий идею высшего божества, т. е. дают ему определение (давать определение – не значит персонифицировать), что всегда оставалось за скобками в даосизме (непостижимое Дао), а тем паче в конфуцианстве и более ранних религиозных системах. Основой материального мира, самого его существования, издревле считался дуализм, т. е. наличие во вселенной противоположных начал (инь и ян). Согласно космогоническим представлениям, до них существовало единое, нерасчлененное состояние бытия (у даосов именуемое «тайцзи»), из которого путем изначальной вибрации возникли противоположности (инь и ян), в свою очередь породившие весь материальный мир. Если в остальных религиозных системах верховное, изначальное божество оставалось «за скобками» и речь шла лишь о «земных» небесах, о гармонизации взаимодействия инь и ян и, соответственно, приведении в равновесие человеческого бытия, то буддизм в качестве своих небес признает уже не земные небеса, а находящиеся неизмеримо выше, и божеством, которому следует уподобляться, избирается уже не «небожитель», а «начало мира», первопричина и источник всего. Далее следует довольно простое умозаключение. Если уподобиться богу – значит стать Единым (т. е. вернуться в первоначальное состояние), то следует прекратить в себе борьбу противоположностей и остановить непрерывную цепь воплощений в материальном мире (инкарнаций). Но поскольку мир – есть воплощение единства и борьбы этих начал, то следует максимально ограничить свое взаимодействие с этим миром, так как он поселяет эту борьбу и внутри человека (проявлениями этой борьбы буддисты считали эмоции, чувства, желания, называя их «волнениями дхарм»). Отсюда – идея отрешенности от мира, молчания сознания и проч., а в конечном итоге – слияние с Единым, т. е. преодоление дуализма (прояв-

ленности), обретение изначальной цельности. Таким образом, вектор устремлений буддистов оказывается направлен лишь на иные «небеса», в то время как суть мировоззрения у них остается прежней – в их системе человек тоже является волящим субъектом, цель которого состоит в воплощении в себе божества, в максимально возможном уподоблении ему. Как видим, к теме «искупления» и «мироотрицания» в христианско-иудейском понимании все вышеизложенное не имеет ни малейшего отношения. Если совсем кратко формулировать разницу между западным и восточным религиозным мироощущением, то это можно было бы сделать так: восток – жить во имя того, чтобы воплотить в себе бога (стать богом), запад – жить во имя того, чтобы бог тебя простил. Не составляет труда подметить, что разница в этих двух положениях заключается в смещении субъектно-объектных отношений. В первом варианте человек является в гораздо большей степени субъектом, чем во втором. Во втором случае волящим субъектом мыслится лишь бог (который волен прощать или нет), в то время как человек – безусловный объект его волеий. Свобода человека здесь ограничена произволом верховного божества, и воля человека направляется лишь на выбор способа и поддержание большей или меньшей интенсивности вымаливания прощения. Выражаясь в понятиях китайской философии, подобная расстановка сил свидетельствует о том, что в востоке в большей степени выразилось начало «ян», а в западе (стороне света, где заходит солнце) – соответственно, «инь» (что, к слову сказать, неоднократно упоминается в древних китайских источниках).

Интересно проиллюстрировать изложенное на примере того, как в двух системах воспринимается акт богоборчества.

В мировоззренческой системе Востока сам акт богоборчества ничем не примечателен и не осуждается как таковой по одной простой причине: никому не заказан путь сделаться богом. На первый план выходит не само намерение «сравняться с богом», а адекватность воплощения этого намерения. Если «претендент» оказывается способен явить свою божественную сущность (т. е. быть адекватным своим притязаниям), то он по праву является богом, заслуженно зачисляется в пантеон, ему строятся кумирни, он становится объектом культа. Однако если он не подкрепляет свои притязания реальным деянием, то он, соответственно, – самозванец, подлежащий разоблачению. Характерно, что мотив самозванства – один из центральных в китайской мифологии (напр., Чию, прикидывавшийся божеством и выдававший себя за Ян-ди; лисы, предстающие перед людьми то в облики бессмертных даосов, то божеств и проч.). В более широком плане мотив самозванства воплощается в сюжетах, связанных с оборотничеством. Безусловно, своими корнями мифы об оборотнях уходят в архаические верования тотемистического характера. Однако трансформация смысла данных мифов, происходившая под воздействием буддизма, даосизма и конфуцианства, шла именно в этом направлении. Тотемистический миф приобретал совершенно иное значение: человек должен видеть под внешними проявлениями суть вещей, а, соответственно, отличать божественное (истинное) от подделки под божественное (т. е. ложного, в основе чего лежит самозванство). Не случайно в такого рода сюжетах разоблачителями оборотней являются «мужи, глубоко проникшие в суть вещей», т. е. люди, достаточно далеко продвинувшиеся по пути духовного самосовершенствования.

В западном варианте богоборчества (правильнее было бы сказать в монотеистической связке иудаизм-христианство-ислам) наблюдается совершенно иная картина. Монотеизм предполагает изначальную узурпацию божественного статуса и, соответственно, монополизацию религиозных отправлений. Относительная свобода остается лишь в области ритуала, которому в подобной ситуации неизбежно начинает придаваться избыточное значение, а также в толковании тех или иных текстов, уточнении канонических формулировок, иными словами, поле творчества смещается в область схоластики (что вполне наглядно проявляется, в частности, в Средние века). В подобных условиях любая «богоборческая» идея не может оцениваться с точки зрения ее истинности или ложности, т. к. изначально подпадает под определение «ереси» как нечто, посягающее на божественную монополию. Таким образом, преступным

оказывается само намерение «стать богом» (см., напр., библейский сюжет о Вавилонской башне). Из этого вполне логично объясняется одно из важнейших отличий Востока и Запада. На Востоке (и, в частности, в Китае) различные религии сосуществовали (и трансформировались) в основном абсолютно мирно, в то время как история монотеистических религий (генетически обусловленная связка иудаизм-христианство-ислам) представляет собой непрерывную череду религиозных войн (с т. н. «неверными»). Любые реформы в условиях жесткой духовной монополии также неизбежно начинают трактоваться как богоборчество, приравниваются к ереси и в итоге оборачиваются «реформацией». Можно добавить, что в аналогичной ситуации на Востоке просто образовывалась еще одна школа того или иного религиозного направления.

В соответствии с известным изречением, история, впрочем, как и культурология, не терпит сослагательного наклонения. К ним бессмысленно подходить с нравственно-этическими оценками (так как в каждой системе шкала, по которой проводится оценка, будет своя). Хотелось бы также напомнить, что констатация факта – еще не есть оценка этого факта (т. е. помещение его в ту или иную философско-этическую систему). Мало того, даже констатация двух фактов не является основанием считать это оценкой чего бы то ни было, в лучшем случае – это проявление того самого дуализма, за которым и начинается самое интересное.

II

Все вышеизложенное, на первый взгляд не относящееся к мифологии Древнего Китая, имеет тем не менее к ней самое непосредственное отношение. Во-первых, с самого начала следует уяснить себе основную особенность мировосприятия китайцев, ее центральное ядро, на котором так или иначе «растут» все их этические или религиозные представления, а во-вторых, понять еще одну важную вещь. Религии в Китае никогда не существовали изолированно, никогда открыто не враждовали между собой, несмотря на то, что полемика (в частности, между даосизмом и конфуцианством) велась, и это нашло определенное отражение в источниках. Постоянно взаимодействуя и взаимообогащая друг друга, все эти составные элементы перемешивались и в результате образовали уникальную религиозно-философскую систему, называемую чань-буддизмом (в Японии получивший название дзэн). Данная школа буддизма сформировалась в Китае на рубеже 5–6 вв., и ее название происходит от сокращенного варианта китайской транскрипции санскритского слова «дхьяна» (в китайском варианте «чань-на»), т. е. мистическое созерцание, сосредоточение, медитация. Как утверждает энциклопедический словарь, «методы пассивной медитации, заимствованные из традиционной буддийской йоги сочетаются в чань-буддизме с методами активной, «динамической» медитации, заимствованными из техник даосизма». Остается добавить, что заметное влияние на чань-буддизм оказал тантризм и другие «составляющие» культурного наследия Китая, в том числе и архаические мифы, которые подверглись соответствующей трансформации, превращаясь, по существу, в буддийские, конфуцианские или даосские притчи.

Именно эта трансформация во многом является тем фактором, который затрудняет определение поля собственно китайской мифологии. Во-первых, источники, которыми были зафиксированы материалы по мифологии Китая, крайне неоднородны не только по своему составу, но и по характеру. Фиксируя состояние мифологического наследия в какой-то определенный отрезок времени, они вместе с тем фиксировали ту или иную степень трансформации этих мифов ведущими религиозными школами (даосами, конфуцианцами, буддистами). Учитывая то, что процесс ассимиляции мифологического наследия начался достаточно давно (еще в I тысячелетии до н. э.), этот процесс можно было бы сравнить с взятием проб из приготавливающегося сплава на разных стадиях его готовности. В этом случае пробы неизбежно будут сильно различаться по своему составу. Единственным способом восстановить один из ингредиентов является очистка его от примесей, содержание которых, к слову сказать, может быть в «пробе»

гораздо более 50 %. Именно поэтому – во-вторых, любая мифология в китайском варианте может быть лишь результатом реконструкции, скрупулезной ее очистки от позднейших напластований. Процесс этот довольно трудный, так как многие из частей мифологической системы были утрачены в силу своей не востребоваемости для пропаганды новых религиозных взглядов, а некоторые из них, наоборот, приобрели гораздо большее значение, чем имели изначально. Характернейшим примером могут являться мифы о первых государях (Хуан-ди, Юй и проч.), сведения о которых дошли до настоящего времени в значительной степени благодаря конфуцианству, которое использовало эти мифологические персонажи для пропаганды собственных идей (в данном случае – в формировании представлений об идеальном правителе).

Именно в силу специфических особенностей китайской мифологии нельзя не сказать об источниках, донесших до нас сведения о древних мифах.

III

Источники, из которых можно почерпнуть те или иные сведения по мифологии, можно разделить на три категории.

1. Письменные источники, дошедшие до нас. Эта категория представляет нам материалы, как правило, в наиболее полном виде. Трудности: письменный источник является собой синхронический срез верований и мифология в этом варианте включает в себя массу напластований. Кроме того, фактором, искажающим материал, могут быть личные пристрастия автора, его приверженность тому или иному религиозному направлению.

2. Результаты археологических разысканий. Трудности: здесь мифологические материалы могут быть лишь результатом в той или иной степени достоверной реконструкции. При этом материалы археологических раскопок относятся лишь к предметам материальной культуры, соответственно, религиозные представления необходимо реконструировать.

3. Фольклорные, языковые материалы, данные этнографии – т. е. сказки, предания, легенды, топонимические данные, лингвистический анализ архаичных пластов языка, сведения об особенностях быта и социальной организации тех или иных народов.

У каждого из трех источников есть свои достоинства, но вместе с тем и очевидные недостатки. В соответствии с этим, более или менее достоверную картину мифологических воззрений можно восстановить лишь при комплексном подходе, используя все три типа источников. Кроме того, восстанавливая утраченные части архаических воззрений, следует привлекать материалы по мифологии других народов, восстанавливая их «по аналогии». Подобный комплексный подход стал возможен лишь с относительно недавнего времени, когда многие ученые – антропологи, этнографы, фольклористы, археологи, лингвисты и т. д. – начали работать «в связке», открывая новые перспективы на стыке наук. Это же касается китайской мифологии.

Желающих ознакомиться с историей изучения китайской мифологии мы можем отослать к книге Э. М. Яншиной «Формирование и развитие древнекитайской мифологии», М. 1984, в которой подробнейшим образом освещается этот вопрос. В рамках же данного предисловия упомянем лишь несколько фактов.

Впервые попытка систематизировать и изложить материал по китайской мифологии была сделана русским китаеведом С. М. Георгиевским еще в 1892. И хотя в своей работе автор не вышел за рамки русской мифологической школы того времени (Георгиевский придерживался точки зрения А. Н. Афанасьева) этот труд ценен тем, что он написан на уровне современной автору науки. Вслед за этим появляются работы других авторов – напр., работы Н. М. Мацокина («Мифические императоры Китая и тотемизм»), в которых впервые поднимаются вопросы о существовании в Китае материнского рода на примере женского предка Ньюва и пережитков тотемизма в традиции о древних мудрых предках китайцев. Интересна книга Я. Я. М. де Гро-

ота «Демонология Древнего Китая» (1907), в которой была предпринята попытка дать наиболее полную картину китайской мифологии.

В самом Китае мифология стала объектом изучения сравнительно недавно, лишь в 20-х годах XX столетия. Однако на изучении мифологии в этот период сказался своего рода психологический стресс, который испытали многие китайские ученые, когда в результате археологических раскопок устоявшиеся веками теории и взгляды на древность китайской цивилизации потерпели крушение. Так, археологические раскопки обнаружили, что историческая традиция, которая начинала историю китайского государства с IV тысячелетия до н. э., основывалась на мифологической и легендарной традиции, что в IV–III тысячелетиях до н. э. на территории нынешнего Китая была вовсе не Великая китайская империя, как это представлялось веками китайским историкам, а неолитическая культура и племенной мир, очень далекий от идеально устроенного государства времен мудрых императоров древности. Таким образом, сведения, которые содержатся в древних источниках, из которых китайская традиция их в основном черпала («Книга преданий», «Хуайнаньцзы», «Лецзы», «Каталог гор и морей» и др.) являлись результатом «историзации» более древних, архаических воззрений, т. е. переработки их в форму, удобную для использования владыками Поднебесной. Немногим ранее западные ученые пришли к такому же заключению. Одновременно с этим в 20-е – 30-е гг. произошло приобщение китайской интеллигенции к современной западной науке и ее знакомство с историей мировой культуры. Именно выходом из замкнутости традиций своей культуры объясняется то, что многие китайские работы 20-х—30-х годов по мифологии испытали на себе влияние некоторых наиболее распространенных западных мифологических теорий (в первую очередь – тотемической Э. Дюргейма и «номиналистической» Г. Спенсера).

Однако для всех работ этого времени характерно в первую очередь нечеткое понимание самого предмета исследования. В нем объединялись и мифологические темы, и фольклорные, и литературные. Часто в мифологию включались житийная литература, религиозные легенды, фантастические повести и т. д. Кроме того, многие историки 20—30-х годов (поскольку открытие мифологии Китая подорвало традиционные представления о древнейших периодах истории Китая) принялись усиленно «очищать» от мифологии историю. Они видели в мифах ошибки древних историков, принявших названия животных, птиц, растений и т. д. за имена людей, или намеренную фальсификацию истории в идеологических и политических целях. Исследователи продолжали видеть в мифах своего рода исторические документы, правда, теперь уже отождествляя предков-родоначальников и культурных героев не с императорами и их советниками-вельможами, как это делалось в старой исторической традиции, а с вождями племен. Некоторые, напротив, пытались свести все мифологические воззрения к явлениям тотемизма и некоторым видам магии.

Тем не менее, несмотря на все недостатки изучения мифологии в 20—30-х годах, именно в этот период были осуществлены основные исследования. В них китайские ученые учли результаты европейских исследований древней истории, работы по мифологии, результаты археологических раскопок китайских и западных археологов. Именно тогда совместными усилиями китайских и западных ученых был установлен основной круг героев, тем и сюжетов мифологии.

В конце 30-х годов в связи с китайско-японской войной изучение мифологии прерывается и возобновляется лишь после образования КНР, но в гораздо более скромных масштабах. Наиболее крупные исследования – Юань Кэ «Мифы древнего Китая» и Сюй Сюйшэна «Легендарный период древнекитайской истории». В книге Юань Кэ как бы подводятся итоги исследований китайских ученых 20—30-х годов. В популярном изложении сюжетов автором учтены почти все реконструкции, сделанные в те годы, использованы все источники, введенные в круг исследования мифологии.

В последнее время в Китае оживился интерес к мифологии. Тем не менее серьезный комплексный подход – это вопрос, хотя и недалекого, но все-таки будущего.

IV

Прежде чем перейти к анализу мифологии, следует вначале определить, что такое, собственно, мифология? Чем отличается миф от легенды или поверья, предания, притчи наконец? Различные исследователи дают на это разные ответы. Для того, чтобы попытаться дать вразумительный ответ на этот вопрос, вспомним, из чего состоит любая (а тем более архаичная) философско-этическая система. В любой такой действующей (актуализированной) системе всегда присутствует три компонента, три части. Первая – сакральное знание, составляющее ядро любой системы и, как правило, повествующее о происхождении мира и людей, о путях появления социальных установлений и об источнике культурных благ. Сакральное знание является достоянием лишь посвященных, людей, прошедших жесточайший отбор, прежде чем получить доступ к этому знанию. Это вожди, старейшины рода, а также священнослужители (жрецы, шаманы и проч.). Второй компонент – ритуал. Это тот инструмент, при помощи которого происходит проекция сакрального знания, недоступного пониманию основной массы сообщества, на социальное поведение людей. Ритуал является своего рода механизмом, при помощи которого у членов социума закрепляются те или иные поведенческие стереотипы. На этом уровне сакральное знание доступно членам коллектива лишь в той мере, в какой им это необходимо для полноценного участия в ритуале, в то время как жрец (шаман) в силу того, что обряд инициируется им, должен обладать всей полнотой информации. Именно поэтому обряд часто (в целях усиления аффективного воздействия на массы) обрастает дополнительными «выразительными средствами» – сюжетикой, атрибутикой и проч., вместе с тем отчасти утрачивая свою внутреннюю обусловленность. Третий компонент – это результат адаптации ритуала под общий уровень массы. На этом этапе происходит объяснение ритуала, низведение его до бытовых представлений непосвященных, его вульгаризация. Выкристаллизовывается своего рода «лубочный» вариант философско-этической системы. На этом этапе, как правило, происходит механическое смешение понятий действующей системы с предыдущими представлениями, существующими в виде пережитков. Условно этот процесс можно было бы назвать «фольклоризацией». Типичным примером подобной «фольклоризации» может являться процесс вырождения мифа в волшебную сказку (подробный анализ в работах В. Я. Проппа), на который, правда, оказывал влияние и фактор утраты мифом своей актуализированности (в России, в частности, с приходом христианства). Тем не менее было бы неверным предполагать, что вырождение мифа в волшебную сказку было спровоцировано только утратой актуализированности мифа, и сказка механически заняла место мифа. Сказка (естественно, в своей наиболее архаичной форме) существовала, вероятно, и во времена мифов, являясь: а) вульгаризацией самого мифа, б) выполняя важную социальную функцию: исподволь морально и психологически подготавливая людей к возрастным и социальным инициациям.

Все три компонента присутствуют в любой системе постоянно, претерпевая изменения по мере развития общества и религиозно-этических представлений. В связи с этим необходимо помнить, что любая религиозно-этическая система (помимо того, что она развивается во времени) перманентно состоит из трех вышеозначенных пластов.

Если исходить из того, что миф – это универсальное знание о мире (нерасчлененное и неспециализированное), то мифом в полном смысле этого слова можно назвать лишь то, что относится к первому слою, т. е. к сакральному знанию народа. Так, мифы о тотемах-первопредках, утрачивая свою сакральность, превращаются в историю (о механизме этого процесса см. ниже). При этом легенда – это «недостовверная история», предание – «более или менее достоверная история» (как правило, от собственно истории отличающееся тем, что описывает

мые события не датированы или есть серьезные затруднения в их датировке). Если говорить, например, о греко-римской мифологии, то она (в том виде, в котором она оказалась записана авторами во времена поздней античности), практически полностью является продуктом «вульгаризации» и последующей литературной обработки. В свою очередь, ритуальная составляющая, утрачивая связь с сакральным ядром, постепенно превратилась в драматургию (наиболее ярко как раз именно в греко-римской традиции, можно упомянуть и «драмы» народов Месоамерики – напр., «Рабиналь-ачи»). Примечательно, что (если говорить о греко-римской традиции) следы подобного преобразования еще долгое время потом сохраняются (вплоть до эпохи классицизма) в разделении литературы на «высокие» и «низкие» жанры (в «высокие» входили те жанры, которые генетически восходили непосредственно к ритуалу – трагедии (исток – древние мистерии), оды (исток – гимны) и проч; к «низким» жанрам относились те, которые восходили к третьему пласту, т. е. «фольклоризованному» (комедии, поэзия любовного, бытового содержания и проч.). Что же касается сакрального ядра греко-римской мировоззренческой системы, то до нас дошли лишь его обрывки в виде поздних античных записей, объединенных одним персонажем – Гермесом Трисмегистом (это т. н. «Изумрудная скрижаль», «Трутина Гермеса», отрывки). Если продолжать говорить о греко-римской мировоззренческой системе, то следует отметить, что еще в доантичные времена миф утрачивает свое единство и расщепляется на философию и историю (Ницше, например, обвинял в изобретении «спекулятивного» подхода Сократа и философов его школы, что, как представляется, вряд ли справедливо; вероятнее всего, Сократ лишь зафиксировал, оформив в виде философского метода уже и так существующие взаимоотношения). При этом и философия и история становятся продуктом логически-спекулятивного ума, утрачивая связь с небом. По выражению того же Ницше, Бог умер, знание стало представлять собой не чувство мира в его божественной непрерывности, а некую последовательность логических спекуляций (которую еще во времена античности довели до абсурда софисты и скептики – представители философских школ, практиковавшие умственные спекуляции в качестве источника эстетического удовольствия).

Интересно в качестве примера под этим углом взглянуть на цивилизацию Древнего Египта, которая на первый взгляд опровергает то, что говорилось выше. Ведь в Египте наряду с мощной мифологической системой существовала и история. Это так. Но говоря об истории Египта, не стоит забывать о том, что это была история не в нашем, рационалистическом понимании этого слова, а совершенно иная. История мыслилась не как ряд общественно-значимых событий, произошедших в какой-либо промежуток времени, но как исполнение ритуала. Человеческий мир являлся неотъемлемой частью божественного мироздания и должен был, соответственно, находиться с ним в гармонии. История мыслилась как непрерывный процесс проявления Бога в земном мире, а функция жречества и фараона (как сына бога-солнца Ра) состояла в обеспечении стабильности этого процесса. Одна из основных задач в связи с этим была – синхронизация бытия человека и общества с естественными циклами природы (восход-заход солнца, смена времен года, разлив Нила и проч.). Одним из фундаментальных заблуждений современных исследований, как представляется, является то, что в них Древнеегипетская цивилизация (равно как и другие) анализируются с точки зрения современного спекулятивного знания, что отчасти имеет объективную основу: современная методология науки является ни чем иным, как порождением этого самого спекулятивного знания, в пределах которого бог – это всего лишь одна из подобных спекуляций. Помещая Египетскую цивилизацию в совершенно иную, чуждую ей систему координат, такой анализ лишает ее тем самым внутреннего смысла, превращая «граждан вселенной», каковыми по своей сути и являлись египтяне, в отсталые существа, которые чего-то «недопонимали», находились на «более ранней», «примитивной» стадии развития, чем современный человек, приверженец логически-спекулятивного взгляда на мир, – которые непонятно для чего воздвигали грандиозные гробницы, мумифицировали мертвых и т. д. Взгляд «изнутри своей системы» приводит таких исследова-

телей к очевидным нестыковкам. Так, выводя все научные и иные знания египтян из потребностей хозяйственной деятельности (что вполне согласуется с рационалистическим подходом к делу), они встают перед неразрешимыми проблемами: например, из какой хозяйственной деятельности можно вывести строительство пирамид (огромное количество знаний и навыков, нужных для их возведения, было невозможно применить ни в какой другой хозяйственной деятельности), как объяснить совершенно избыточные, с точки зрения нужд хозяйства, астрономические знания египтян и т. д. Все встает на свои места, если мы поймем, что хозяйственная деятельность была не главной побудительной причиной (хотя и очень важной) в поисках египтянами знания. Иными словами, они вглядывались в небо не для того, чтобы узнать время сева (или жатвы), но для того, чтобы познать божественное творение для более успешного воплощения его на земле. Отсюда и астрология, многочисленные системы гаданий, практиковавшиеся в Египте, как поиск земных воплощений божественного мироустройства. Возводя пирамиду, египтяне вовсе не строили усыпальницу для своего скончавшегося правителя, не готовили для него «лестницу на небеса», но создавали вселенную. Причем, в их понимании, не «модель» вселенной, а именно саму вселенную, т. к. само строительство пирамид было действием сакральным, магическим. Принося в своих храмах жертвы, они не совершали убийства «во славу господ» (это изобретение гораздо более поздних эпох), а осуществляли взаимодействие между мирами. Видимо, в этом заключается и основной сакральный смысл образа Осириса – умирающего и вечно возрождающегося бога. Он состоит в персонифицированном представлении единства всех миров и божественного проявления в каждом из них. Египтяне, в отличие от современного человека, который живет только в одном мире и точно знает, что такое «реальное» и «ирреальное», жили сразу во многих мирах. Причем не в метафорическом смысле, а в самом прямом: мир «подземный», «наземный» и «небесный» воспринимались как части реальности, и их посещение неоднократно непосредственно переживалось в течение жизни (во сне, во время транса, мистерий, наркотического воздействия и проч.). Смерть воспринималась всего лишь как перемещение из одной части реальности в другую, как очередная инициация (которых любой член сообщества в течение жизни проходил несколько). В этом отношении становится понятно утверждение «Книги мертвых», что умерший после смерти становится Осирисом, т. е. свободно путешествует по иным мирам («он тот, кто сбросил земную оболочку»). Забегая вперед, скажем, что именно такое мироощущение (множественность миров и возможность путешествия по ним) является сакральным ядром шаманизма, и именно этим он отличается от предыдущей мировоззренческой системы – тотемизма (в которой, особенно на поздних этапах, тоже мог существовать «шаман», но исполнявший совершенно иные функции). Само название «шаманизм», на наш взгляд, крайне неудачно, т. к. обозначает не системообразующее понятие, но называет свойство, которое в равной степени может быть присуще разным системам. При этом, подобно химическому элементу, находящемуся в соединении с другими, элемент этот может принимать совершенно различные свойства. То же самое можно сказать о таких терминах, как «фетишизм» и «анимизм». Ни тот, ни другой не отражают сущность мировоззренческой системы, но лишь называют определенное ее свойство. Подобная «терминология» объясняется в первую очередь тем, что архаичные мировоззренческие системы с чрезвычайным трудом поддаются реконструкции. Не умея реконструировать их и восстановить в полном объеме генезис человеческой культуры, исследователи, выделив из сплава или химического соединения какой-либо элемент, приписывали ему свойства исходного материала, в то время как реально исходным материалом является другой сплав или химическое соединение (в природе, как известно, элементы в чистом виде не существуют). Установившаяся в подобного рода ранних исследованиях научная номенклатура начала кочевать из работы в работу, сделавшись традиционной. Однако, вопрос о «фетишизме» и «анимизме» – предмет отдельного исследования, чего нам не позволяют рамки настоящего предисловия. Тем не менее, возвращаясь к термину «шаманизм», можно отметить, что более удачным термином

может являться «сталкинг» (термин К. Кастанеды) или любой другой, отражающий суть этой мировоззренческой системы. Тем не менее в дальнейшем, во избежании путаницы, мы будем использовать термин «шаманизм», но с вышеперечисленными оговорками.

Таким образом, мир древних мифов (в частности, если говорить о шаманизме) оказывается неизмеримо шире мира рационалистически мыслящего современного человека, так как кроме мира «наземного» (рационального) включает в себя еще два, а также бесчисленное количество путей, связующих их. И если на этих путях человеку вдруг становится понятным время сева или жатвы (т. е. знание находит в том числе и хозяйственное применение), тем большее величие обретает Бог, тем больше его милости изливается на Творение, тем крепче убежденность, что боги довольны, мир находится в гармонии, и правление успешно.

Как видим, перед нами совершенно иная логика, иное целеполагание, иной внутренний смысл, а соответственно, иная мировоззренческая система, к анализу которой подходить с мерками другой системы (тем более основанной исключительно на доминировании «рацио») не только неверно с точки зрения смысла, но и крайне непродуктивно. Примечательно, что все так называемые «архаические» мировоззренческие системы строились именно в соответствии с этой, не рационалистической логикой. Не являлась исключением и мировоззренческая система Древнего Китая, и все вышесказанное может быть в равной степени применено к ней.

V

Однако у Древнекитайской мифологии, несмотря на общий «подход», есть свои существенные особенности. Во-первых (и это самое главное) мифологическое мышление Китая не было подвергнуто рационализации, как, например, греко-римское. Даосизм и буддизм вообще ценили «рацио» довольно низко, предпочитая интуитивный способ познания мира. Философия, как своего рода самолюбование ума, всегда была чужда Востоку. Поэтому даосизм и буддизм, хотя и сдвинули ориентиры в соответствии со своими представлениями, все же не сузили мир человека, а скорее напротив – в каких-то аспектах его раздвинули. В то время как на Западе расцветали философские школы, на Востоке буддизм и даосизм уже насчитывали несколько веков своего существования. При этом традиция ориентировалась не на слово, как самодостаточный эквивалент смысла, а на непосредственную передачу интуитивного знания от учителя к ученику. В соответствии с этим мировоззрением, истинное знание не может быть высказано словами, поскольку Бога невозможно постичь умом. На Западе знание развивалось совершенно иным путем, а именно – создавая систему отвлеченных понятий, т. н. абстракций. Сущность знания (и философии) в конечном итоге сводилась к оперированию достаточно произвольно созданными понятиями, которые уже на момент своего создания так или иначе подразумевали ряд допущений, а также «упущений» (т. е. сознательно не включали в создаваемое понятие ряд однородных или смежных явлений), иными словами, создавалась система дефиниций – строго ограниченных и очерченных понятий, в рамках которых и при помощи которых строились дальнейшие умозаключения.

Показательным примером для иллюстрации вышеизложенного может быть такой «литературный жанр», как притча, распространенный как на Западе, так и на Востоке. В самом общем смысле, притча – это некий рассказ, служащий иллюстрацией того или иного положения религиозно-этического характера. Однако притча западная и восточная коренным образом отличаются друг от друга. В западном варианте притча являет собой своего рода «эзопову басню», в которой есть предлагаемая ситуация, развивающаяся определенным образом, и – вытекающая из нее мораль (чаще всего ситуация является не реальной, а моделируется, подгоняясь под заранее известный силлогизм). Другими словами, все строится в соответствии с требованиями спекулятивной логики (тезис-антитезис-синтез). На Востоке притча имеет совершенно иное назначение и, соответственно, характер. Акцент делается не на утверждении

абстрактного знания (силлогизма), а на самом деянии. Любое высказанное знание, по мнению, в частности, китайцев, в силу непостижимости Бога, автоматически становится ложным, так как искажается посредством человеческого восприятия и ума. Поэтому основной смысл притч – показ того, как в той или иной ситуации действуют «просветленные», т. е. люди, достаточно далеко продвинувшиеся по пути самосовершенствования. В восточных притчах есть назидание (особенно в конфуцианских), но им совершенно чуждо морализаторство, свойственное притчам западным. В западных притчах (в силу самодостаточности слова) неизбежно усиливается чисто литературный элемент, делается крайне значительной эстетическая составляющая (некоторые исследователи выводят едва ли не всю литературу из «эзоповой басни», в частности, известно одно из полушутливых определений романа, считающее его просто «до безобразия раздутой эзоповой басней»).

«Литературность» и «эстетизм», как нечто самоценное, совершенно чужды восточным притчам, именно поэтому, если их рассматривать с литературной точки зрения, они не поражают воображения искушенного в эстетических вопросах западного читателя. По существу, многие из них представляют собой запись деяний «достойных мужей», но в максимально минимизированном объеме. Подавляющее большинство даосских и буддийских текстов является ни чем иным, как записями учеников о своих беседах и общении с учителем. Это были своего рода «конспекты», которые позволяли еще раз вернуться к тому, что сказал или сделал учитель, дабы обрести лишнюю возможность поразмыслить над увиденным или услышанным. Эти притчи и, в более широком смысле, – тексты – ничему не учили. Они лишь позволяли, выражаясь метафорически, ступить туда, куда ступала нога учителя, чтобы облегчить процесс самосовершенствования. Именно поэтому подобных текстов – величайшее множество, как бесконечно количество путей, по мнению китайцев, ведущих к совершенству.

Таким образом, даосизм и буддизм не ломали древнего мировосприятия китайцев, но лишь его трансформировали. Тем не менее, трансформируя его, они все же создавали одну существенную диспропорцию, своего рода перекося в мировоззренческой системе. Если древнее мировоззрение включало в себя не только описание путей и техник самосовершенствования, но и общественную этику (человеческое общество является отражением божественного устройства), то даосы и буддисты основное внимание уделяли именно техникам самосовершенствования, а вопросы социального устройства оставляли вне поля своих интересов. Жизнь общества их практически не интересовала, их занимала только личность на ее путях постижения Бога. Отсюда – главными действующими лицами буддизма и даосизма являлись монахи, отшельники, странствующие проповедники – одним словом, люди, удалившиеся от общества с целью обретения внутренней гармонии для постижения и непосредственного переживания божественной сущности мира. Соответственно, общество оставалось как бы вне сферы религиозных интересов, а в результате пропадала взаимосвязь между сакральным знанием и обществом, которая всегда осуществлялась через ритуал. Ритуал же, как уже отмечалось выше, служил инструментом выработки социальных стереотипов у непосвященных, т. е. основной массы людей. Трансформируя сакральную часть мировоззренческой системы, даосы и буддисты пренебрегали ритуалом (т. е. проецированием сакрального знания на социальную жизнь), считая, что это отбирает неоправданно большое количество времени и сил у процесса самосовершенствования. В результате данные системы неизбежно теряли свой универсализм и превращались в своего рода «религию для посвященных». В силу подобного перекося общественные установления лишались высшего смысла, ритуал, теряя свою почву, неизбежно приходил в упадок, ввергая жизнь самого общества во все больший разлад и хаос.

В этой связи вполне логична позиция конфуцианства, которая, напротив, ограничивала свои интересы лишь жизнью общества, делая своим главным объектом «человека социального». Опережая события, скажем, что явившись во многом реакцией на упадок «традиционной добродетели», конфуцианство служило, по существу, одной цели – а именно, «консер-

вазии» ритуала в том виде, в котором он в своих лучших образцах дошел до тех времен. Гениальность Конфуция (если говорить о нем как о реально жившем персонаже, согласно источникам, в 551–479 гг. до н. э.), собственно, и состояла в том, что он сумел своим учением перевести социальную этическую систему из стадии регресса в стадию стагнации, при этом сделав ее в пределах социума совершенно самодостаточной. Интересно проследить, каким именно образом он это делает. Если кратко формулировать идею социального бытия, существовавшую на момент появления конфуцианства, то это можно сделать следующим образом. Центральной темой идеологии были отношения правителя-«вана» и Неба как источника благодати (магической силы «дэ»), благодаря и при помощи которой «ван» (т. е. «Сын Неба») упорядочивал «Поднебесную» (т. е. общество).

Здесь необходимо сделать пространное, но вместе с тем важное с точки зрения понимания процессов, происходивших в мировоззрении китайцев, отступление.

Как видим, на этапе, непосредственно предшествующем возникновению конфуцианства, мировоззренческая система китайцев обладает высокой степенью дискретности (по сравнению с шаманизмом). «Дэ», хотя и наличествует в системе, выступает уже не как звено, связующее миры, но лишь в качестве своеобразного обоснования монаршего права. Небеса оказываются доступны, таким образом, лишь монарху, при этом небеса, понимаемые как источник некоей высшей воли, без объяснения природы таковой. В этой связи иное звучание может приобрести миф, повествующий о том, как император Чжуаньсюй (преемник великого Хуан-ди), приказывает разрушить лестницы, «связывающие небеса и землю». Как говорит предание, в результате этого деяния «обитатели земли уже не могли вмешиваться в дела богов и духов». С достаточной долей вероятности можно говорить о том, что в данном случае речь идет об узурпации религиозной власти главой военной знати. Религиозно-этическая система шаманизма, существовавшая на более раннем этапе (как это следует из историко-культурных аналогов) предполагала наличие целого общественного слоя священнослужителей (жрецов, шаманов), которые, осуществляя сообщение между мирами, «путешествовали» в состоянии измененного сознания к богам и духам, испрашивая их воли, в частности, на то или иное земное деяние (описания доживших до нас шаманских культов достаточно полно отражают этот процесс). Акт разрушения «лестниц на небеса» можно вполне трактовать как запрещение шаманских практик и ликвидацию института шаманов в целях сосредоточения «светской» и «религиозной» (т. е. всей полноты власти) в одних руках – руках императора. Вероятнее всего, как это следует из историко-культурных аналогов, до этого власть «Сына Неба» не была полной, мало того – она осуществлялась в пределах ритуала, при помощи которого земля уподоблялась Небу. Согласно этой логике, если на Небесах главным субъектом, вокруг которого так или иначе строится бытие, является Солнце, то и в мире людей должно быть его подобие (возможно, отсюда и само название – «Сын Неба», т. е. подобие Солнца на земле). Этого требовал ритуал, и именно в ритуальных целях изначально «организовывалась» эта «должность» (в частности, это блестяще проанализировал в своем фундаментальном труде «Золотая ветвь» Д. Д. Фрэнгер). Постепенно этой «должности» (которая в подавляющем большинстве была выборной) придавались иные функции, вытекающие из ее ритуального смысла. Как правило, эти функции были чисто социальные – хозяйственные, а позже – военные. «Сын Неба» осуществлял, если так можно выразиться, «тактические» задачи, в то время как за «стратегию» отвечали жрецы. Косвенным подтверждением этого служит то, что «Сын Неба», несмотря на свое родство с богами, лишь после смерти попадал на небо, в то время как жрецы сносились с богами постоянно (напрашивающаяся аналогия: Древний Египет). Однако по мере сосредоточения военной и социальной власти в одних руках неизбежно наступал момент, когда «опека» жречества начинала раздражать правителя и его окружение, жаждавшее всей полноты власти. Вспыхивала усобица (усобицы такого характера имеются и в египетской истории), которая могла закончиться как победой жречества, так и победой правителя. Если говорить о художественных воплощениях подобной

коллизии, то великолепной иллюстрацией здесь может служить роман Б. Пруса «Фараон». В случае победы жречества все возвращалось «на круги своя», в случае же победы правителя возможно было также два варианта. Первый – реставрация (т. е. собравшееся с силами жречество отвоевывало свои позиции), второй – запрещение самого института жречества и его ликвидация «как класса» (в более поздние времена метод практиковавшийся, в частности, в связи с историей экспансии христианства, довольно регулярно).

Вероятнее всего, именно о такого рода борьбе повествует миф о войне легендарного Хуан-ди с «медноголовым Чию». Напомним содержание мифа. Хуан-ди, правитель центрального региона страны («Владыка Центра»), обложил данью все остальные уделы. Большинство смирилось, не покорился лишь «Владыка Юга» – Янь-ди. Хуан-ди собрал тогда «звериное» войско, состоящее из медведей, барсов, тигров и т. д. и отправился воевать с Янь-ди. Вскоре состоялась битва, которую Янь-ди проиграл (после чего бежал на Север). Тогда в бой вступает великан Чию (объявивший, что он и есть настоящий Янь-ди, т. е. бог-солнце) и его семьдесят два брата, имеющие весьма необычный вид – звериные черты соседствуют в них с «многорукостью», «четырёхглазостью», «медноголовостью» и «железнолобостью». Они наделены волшебными свойствами – умеют насылать чары, летать, создавать оптические иллюзии и проч. Кроме того, они искусные ремесленники – могут делать великолепное оружие – от прочных легких трезубцев до огромных топоров и легких луков и стрел. На их стороне выступает воинственное племя мяо, а кроме того духи и вообще потусторонние силы. Благодаря своим магическим способностям, они выигрывают одну битву за другой у Хуан-ди, в частности, насылают на его войско туман. Хуан-ди, ввиду безвыходного положения, обращается за помощью к мудрому старцу Фэн-хоу, который изобретает статую, чья рука всегда указывает на север, и войско Хуан-ди выходит из тумана. Чтобы победить Чию и его братьев, Хуан-ди обращается к магии. Дракон Инлун, умеющий вызывать дождь и призванный Хуан-ди, демонстрирует свое искусство над станом врага (он располагает дождевые облака над вражеским войском на особой подставке). Однако Чию призывает на помощь духа ветра Фэн-бо и хозяина дождя Юй-ши. В силу ли того, что Инлун неправильно расположил свою подставку, в силу ли большей магической силы Чию, но только облака сносит на войско Хуан-ди, над которым и проливается дождь. Тогда Хуан-ди призывает на помощь Ба, демона засухи. Она обрушивается на неприятеля и сеет смятение в его рядах, Хуан-ди наносит поражение войску Чию и убивает нескольких его братьев. Чтобы поднять дух своего войска и одержать окончательную победу над Чию, Хуан-ди предпринимает другое магическое действие. Он разыскивает священное животное – одноногого, безрогого пепельно-серого быка Куя, который умеет говорить по-человечьи, и, убив его, делает из его шкуры барабан (о магическом значении барабана будет подробнее сказано ниже). Затем, нуждаясь в барабанных палочках, Хуан-ди убивает бога грома Лэй-шэня (он же Лэй-шоу, что означает «зверь-гром», который имел тело дракона, а голову человека) и из его костей делает барабанные палочки. Ударив в барабан, Хуан-ди поднял дух своего войска, оно победило сторонников Чию. Сам Чию был взят в плен, а позже Хуан-ди его публично казнил.

Теперь попробуем проинтерпретировать изложенное в свете высказанного нами предположения и реконструировать реальные события, общественные процессы и мифологические представления, нашедшие отражение в рассказе. Итак, Хуан-ди, Владыка Центра, облагает данью сопредельные земли. Вполне логичное действие в процессе объединения и централизации государства. Вероятнее всего, к этому времени Владыка центра обладал уже всей полнотой власти, и жречество было оттеснено от управления государством. Южные области, в отличие от остальных отказываются подчиниться, что естественным образом влечет за собой карательную экспедицию. В виду приближающейся военной компании, выражаясь современным языком, в строй призываются «резервисты» и заключаются союзнические договора с соседними племенами. Именно в этом ключе стоит понимать тот пассаж, что войска Хуан-ди состоят из тигров, медведей, драконов и проч. Речь, конечно же, идет не о реальных диких зверях, а о

тотемистических самоназваниях родов, принимавших участие в походе. На Юге, вероятно, власть не была централизована и жрецы не были отстранены от управления государством, а напротив, являлись его основной опорой. Правитель Юга Янь-ди, в рамках возложенных на него полномочий, во главе постоянного войска (которое обычно в мирное время выполняло полицейские, а также пограничные функции) выступил навстречу неприятелю и был разбит. Поняв, что войско Хуан-ди представляет серьезную угрозу, «южане» изгнали на Север своего правителя (другими словами, «уволители»), призвали на службу своих «резервистов» и тоже заключили союзнические договоры (племя мяо), после чего жречество во главе с верховным жрецом Чию повело войско навстречу неприятелю. О том, что Чию и его 72 «брата» являются жрецами (или по крайней мере принадлежат к племени, которое обладало высоким культурным уровнем и управлялось жрецами), говорит следующее. 1. Они наделены зооморфными чертами, что сразу говорит об их непосредственном отношении к культурам с как минимум тотемистической атрибутикой;

2. При этом они весьма могущественны, т. е. отличаются от обычных людей (или зверей, если иметь в виду членов тотемистической группы), это подчеркивается путем многократного умножения обычных человеческих качеств – шесть рук, четыре глаза и т. д. К слову сказать, многие тотемистические зооморфные одеяния шаманов имели эти признаки – четырехглазость, многорукость; 3. Они являются искусными мастерами, т. е. обладают специфическими знаниями, которые позволяют им делать очень качественные вещи из металла, в частности, оружие (а жречество всегда являлось хранителем и фактически монопольным владельцем научных знаний). Возможно, Владыка Центра и кланы, составлявшие его войско, не обладали секретом выплавления из руды металлов (хотя и пользовались им, покупая или захватывая у южан), или их металлургия находилась не на столь высоком уровне развития (тогда становится понятен акцент, сделанный на этом в повествовании). Косвенно это подтверждает фраза о том, что Чию и его братья «питались песком, камнями и кусками железа», т. е. использовали означенное, выплавляя металл. Возможно и другое. Устранив жречество, Правитель Центра, хотя и обрел власть, тем не менее лишился «научных кадров», которые не только двигали «науку» вперед, но и формировали кадровый состав тех, кто обеспечивал «технологии» выплавки металла. Либо же просто в силу уничтожения «научной школы» (которой являлось жречество), Правитель Центра лишил свою металлургию возможности двигаться вперед. Впрочем, это предположение не противоречит предыдущему, а скорее дополняет его; 4. Владение всеми секретами «технологии» приписывается самому Чию (подчеркивается, что «он все делал своими руками»). Трудно представить, чтобы правители более позднего периода «своими руками» делали оружие, это стало уделом ремесленников, а сама технология – заботой «ученых», занимавших соответственные чиновничьи должности. Не было никакой необходимости то же самое делать и Чию. Это было нужно лишь в одном случае – если процесс изготовления оружия не был лишь «технологией», а частью магического действия, и с ним во время изготовления следовало производить соответствующие манипуляции. Тогда это автоматически становится прерогативой жрецов и, в частности, как наиболее ответственное дело, от которого зависит жизнь сообщества, – прерогативой верховного жреца. «Медноголовость» и «железнолюбость» можно отнести к описанию своеобразной военной экипировки сторонников Чию. С практической стороны дела такая конфигурация шлема весьма оправдана: сам шлем делается из меди, как из более дешевого, а соответственно, доступного материала, а та его часть, на которую приходится основные удары – сверху вниз, если стоять лицом к противнику – из железа, как более твердого, но в то же время более дорогого (из-за в полтора раза большей температуры плавления) материала. Вероятно, закреплению этих характеристик, позднее перешедших в постоянные эпитеты означенных персонажей, способствовало именно отсутствие подобной экипировки (и технологий ее изготовления) у войска Хуан-ди; 5. Чию и его сторонники ведут войну при помощи магии, т. е. совершают соответствующие магические действия и обряды,

которые призваны повлиять на ход событий. Совершенно необязательно, что данные действия имели какое-то реальное влияние на природные силы (о действенности шаманских практик ведется много споров, особенно в настоящее время). Бесспорно одно – они имели воздействие на человеческую психику. Те, кто совершал обряд, укреплялись духом, а кроме того, в состоянии измененного сознания – трансе, наркотическом опьянении и т. д. – обретали «сверхвозможности»: теряли чувство страха, восприимчивость к боли, мобилизовывали резервные силы организма. Помимо всего прочего, магические обряды играли роль своего рода «психической атаки» – видя их исполнение, враг чувствовал себя неуверенно, а встретившись с подобным воином (не чувствующим боли, с презрением смотрящим на смерть), неприятель оказывался совершенно деморализован и, как правило, проигрывал схватку (в качестве более поздней аналогии достаточно вспомнить знаменитых берсерков, воинов-викингов, которые перед началом боя глотали грибы, обладающие наркотическим действием (по утверждению Л. Гумилева, сушеные мухоморы), и тем самым ввергали себя в состояние транса). Вид магических обрядов сам по себе провоцировал у врага состояние тревожного ожидания: неприятель обращается к своим богам, а вдруг они ему помогут? И если через некоторое время после обряда вызывания дождя по счастливому совпадению (или по какой-либо иной причине) действительно выпадал дождь, противник безоговорочно приписывал это магическому обряду.

В силу всего вышеперечисленного войско Хуан-ди терпит поражение за поражением. Кульминационным моментом является тот, когда Хуан-ди, до того не обращавшийся к услугам магии, поставленный в безвыходное положение, вынужден пойти «на поклон» к собственным опальным жрецам. «Мудрый старик» по имени Фэн-хоу при помощи железной статуи, чья рука всегда указывает на Север (очевидно, аналог компаса), выводит его из тумана (вероятно, речь идет все же не о каком-то перманентном волшебном тумане, а о том, что войско Хуан-ди из-за тумана, причиной которого сочли «колдовство» жрецов Чию, сбилось с дороги и попросту заблудилось). Другим магическим деянием, к которому прибегает Хуан-ди, становится вызывание дождя. Производит это действие дракон Инлун. Драконы традиционно были связаны с дождем. В большинстве архаичных религий вода всегда связана с рептилиями, они (в частности, змеи) выступают в качестве ее символа. Вероятнее всего, данный архетип сформировался под воздействием внешнего сходства – змея ползает по земле и извивается, как водный поток (а часто и живет в воде). В соответствии с этим, символом «летучей воды» (дождем) должен быть «летучий змей», т. е. дракон (а если присовокупить сюда еще молнию, то получится огнедышащий дракон). Интересно отметить, что сочетание «ветер» и «вода» звучат по-китайски как «фэн-шуй» – понятие также чрезвычайно важное в мифологии китайцев и обозначающее некую демоническую силу, а вместе с тем и искусство определять пропорции жилища, соотносение в среде обитания природных элементов с целью уравновешивать эту демоническую силу (вероятно, изначально шла речь о магическом ритуале строительства жилища, призванного, как известно, выполнять функцию защиты от дождя и ветра). Со всей очевидностью из вышесказанного следует, что перед нами вовсе не сказочное существо, а жрец-заклинатель дождя (одна из разновидностей шамана, у которых, как показывают исследования шаманизма, тоже была своя «специализация»). То, что «дракон» устанавливает облака на «специальной подставке», лишней раз подтверждает, что перед нами магический обряд. Так называемая «симпатическая магия» (термин Д. Фрэзера) основывается на положении, что подобное порождает подобное. Отсюда, например, представление, что если наступить на тень человека, то будет причинен вред самому человеку, что если колоть иголками куклу врага, то раны в конечном итоге образуются у твоего реального недруга. Именно на так называемой «симпатической магии» основано большинство суеверий у всех народов (т. е. своего рода обрывков старых представлений, в главной своей части уже дезактуализированных). Магическое действие заклинателя дождя, по-видимому, включало в себя разыгрывание соответствующего действия на «макете» – помещение облаков над войском противника. Отсюда и

«специальная подставка». Однако в итоге дождь пошел над войском самого Хуан-ди, что естественным образом было приписано козням противника.

На этом месте резонно возникает вопрос: а не были ли вообще все ответные магические действия Чию и его воинства результатом такой «приписки» со стороны «коалиции, возглавляемой Хуан-ди»? Не были ли они, по аналогии с собственными действиями, лишь объяснением поступков противника и происходящих явлений в привычных для себя понятиях? Ведь «операция» явно описывается с позиций Владыки Центра, а соответственно, в том числе отражает и мировоззренческую систему входящих в ее состав людей. В этом случае получается совершенно обратная картина: в стане Хуан-ди – шаманы и прочие «маги», а о войске противника вообще ничего нельзя сказать (за исключением описания особенностей военного омбундирования и признания высокого качества изготавливаемого оружия), так как объективные события даются в преломлении мировоззрения сторонников Хуан-ди.

В качестве контраргументов такому взгляду можно привести следующие факты: а) «Медноголовые» и «железнолобые», т. е. Чию и его братья, выступают в качестве коллективного образа в отличие от строго персонифицированного Хуан-ди. Правда, данный аргумент может служить лишь косвенным подтверждением нашей концепции, т. к. «братья» и Чию могут быть просто соплеменниками, а вовсе не членами жреческого сообщества; б) Хуан-ди не использует магию вплоть до того момента, когда оказывается в безвыходном положении, хотя ни в одном сообществе, в котором господствует шаманизм, военные действия (даже выступление в поход) не совершаются без соответствующих магических процедур. Хуан-ди ничего подобного не предпринимает и лишь потом вынужденно обращается к помощи магов. Примерами сходного поведения единодержавных правителей последующая история изобилует. В минуты особой опасности используются не социальные рычаги воздействия на массы, а самые глубинные, древние, если так можно выразиться, «архитипические» – стереотипы, «взевшиеся» в сознание и быт людей благодаря «усилиям» предшествующей «идеологии», которые еще долгое время продолжают подпитываться сохраняющимися элементами старого ритуала. Чтобы подчеркнуть вневременной характер этого явления, приведем пример из совсем недавней истории России (при желании читатель сам найдет достаточное количество примеров). Таким примером может служить речь Сталина после начала Великой отечественной войны, открывающаяся обращением «братья и сестры» и выдержанная в древнерусском жанре «слова» (с которыми обращались деятели православной церкви во время вражеских нашествий к народу). Сюда же можно отнести учреждение ордена Александра Невского, а также обращение к его образу в непосредственной пропаганде (кинематограф). Можно упомянуть еще тайный обнос Москвы по кругу иконой Владимирской Божьей матери. Возможно, в действиях легендарного китайского императора Хуан-ди лежали сходные мотивы. Но возможен и другой вариант. Война Хуан-ди и Чию и последующий эпизод разрушения «лестниц на небеса» относятся к совершенно разным, удаленным друг от друга во времени эпохам и являются плодом позднейшей склейки, когда потребовалось каким-то образом объяснить уничтожение сословия жрецов в правление Чжуаньсюя (здесь важно то, что Чжуаньсюй объявляется преемником Хуан-ди; если это не имело фактических оснований, значит, основания были идеологическими). «Вынужденность» обращения Хуан-ди за помощью к жрецам (шаманам), соответственно, также нужна была для его идеологического (а не только военного) противопоставления Чию и его сторонникам. Соответственно, третий аргумент – в) Войной Центра и Юга оправдывается последующее «разрушение лестниц на небеса». При этом данный аргумент подтверждает наше построение в обоих случаях – и в том случае, если два эпизода не являются результатом последующей склейки, и в том случае, если являются. Если не являются, а отражают реальную причинно-следственную связь и действительную последовательность событий, то наши предположения подтверждаются прямым образом. Если же все-таки являются результатом последующей склейки, то наша гипотеза доказывается негативным образом: подтверждается сама

необходимость именно в такой склейке (а соответственно, причинно-следственной связи), и это свидетельствует о том, что речь в мифе о разрушении «лестниц на небеса» идет именно о ликвидации жречества как социального института и запрещении магических практик, а не о чем-то ином. К слову сказать, «лестницами на небеса» у древних египтян и представителей культур Месоамерики (тольтеки, инки) часто именовались пирамиды, так что, возможно, в мифе речь идет и о разрушении соответствующих культовых сооружений.

VI

Но вернемся к поэтапному анализу мифа о противостоянии Хуан-ди и Чию с его 72 братьями. После того, как Хуан-ди, обратившись к магии, одерживает первую победу, он, желая закрепить успех и окончательно разгромить противника, прибегает к самому сильному средству – жертвоприношению. Характеристики и описания жертвенных животных не носят конкретного характера – они наделяются функциональными чертами того, что из них предстоит сделать: палка, бьющая по барабану, производит гром, соответственно зверь называется «зверь-гром», бык (по крайней мере говорится, что это бык) замечателен своими необычными качествами: одноногий, безрогий, специфического цвета. Вероятно, здесь отразился бытующий у многих народов обычай приносить в жертву животных, особо «отмеченных», т. е. обладающих какой-либо особенностью, отсутствующей у остальных его сородичей. Логика здесь примерно такая: необычность – проявление божественного, т. е. вещественное свидетельство присутствия иных миров в мире земном, поэтому, выбирая «посланника» в эти иные миры, вполне логично остановиться на том, кто и так носит на себе их печать, в этом случае «посланец» точно доберется и сделает это быстрее, чем остальные (т. е. в случае с быком речь идет явно о мотивации времен шаманизма). Ряд источников также свидетельствует, что предметами культа в Китае были камни, имеющие сходство с животным. При подобных жертвоприношениях камень (как и многие другие культовые предметы, в частности, колокол и барабан) обмазывались кровью жертвы. Один из источников упоминает о находящемся в районе одного из озер подобном камне, похожем на быка. Так что, возможно, речь в мифе идет именно о жертвоприношении такому «природному» идолу, являющемуся воплощением тотемистического предка.

В образах жертв кроме зооморфных присутствуют и антропоморфные черты (бык говорит человеческим голосом, у второго зверя – голова человека). Вероятнее всего, в данном конкретном случае речь идет не о жертвоприношении животных, а о человеческом жертвоприношении. Зооморфизм жертв объясняется наложением друг на друга двух составляющих: а) обряды принесения человеческих жертв восходят к тотемистическим культам, состоявшим, в частности, из ритуального каннибализма, в особенности в отношении плененных во время военных действий (явление, неоднократно описывавшееся в литературе), и последующего погружения в экстатическое состояние (под звук барабана), во время которого каждый член сообщества переживал свое непосредственное тождество с тотемистическим животным (божеством-первопредком). Жертва в этом случае являлась прямым средством к переживанию означенного тождества. Позднее, в связи даже с ритуальным запретом на каннибализм (который, безусловно, не служил снижению внутривидовой агрессивности), во время ритуалов поесть стали (по смежности) тотемистическое животное. Данное замещение (перенос по смежности свойств тотема на жертву) устраняет своего рода парадокс, содержащийся в имеющихся описаниях тотемизма: строжайший запрет охотиться на тотемистическое животное во все время, кроме соответствующих тотемистических ритуалов. Запрет охотиться на тотемистическое животное, соответственно, возник намного раньше и означал запрет на убийство внутри группы, а потом был (также по смежности) перенесен и на то животное, которое служило знаком самоотжествления группы. Характерно, что ритуальный каннибализм просу-

ществовал в архаичных обществах вплоть до XIX века. Возможно, это объясняется тем, что война (как явление, несмотря на утверждения некоторых исследователей, достаточно редкое, по крайней мере не бытовое, в жизни архаичных сообществ) активизировала неактуализированные в обычное время архетипы, т. е. устойчивые стереотипы, сформированные в древние времена и дремлющие обычно в непроявленном состоянии, в подсознании. Внешними «сигналами» могли быть удаление от социума, агрессивная среда и т. п. (к слову сказать, сходные вещи о возможности пробуждения внешней средой дремлющих поведенческих стереотипов утверждает и «гештальт-психология»). Итак, первая причина зооморфизма жертв – перенос на них черт животного тотема; б) Еще одна причина – вторая волна вытеснения, связанная уже с шаманскими практиками, когда запрет на человеческие жертвоприношения инициировался уже не каннибализмом, а совершенно иными вещами. Дело в том, что шаманизм представляет вселенную как сосуществование нескольких миров. Человек живет в них одновременно. Его самоориентация, ощущение своего присутствия в том или ином мире, определяется большей или меньшей проявленностью человека именно в каком-то из миров. Изменяя свое восприятие, человек может путешествовать по мирам. В этой связи жертва мыслится уже как посланник в иные миры, помогающий понять волю богов, состоящую в советах по гармонизации наземного мира с небесным. Функция человеческой жертвы из пищевой становится социальной. Жрецы «гадают» (в соответствии с законом подобия) по легким, печени, сердцу жертвы, надеясь почерпнуть из наблюдений над ними конкретную волю богов. Конкистадоры, попавшие в Новый Свет, ужасались обилию человеческих жертв, приносимых своим богам ацтеками (что им, правда, потом не помешало многократно превзойти их в этом). Разница заключалась в том, что испанцы знали, что совершают убийство, и сознательно проводили в целях обогащения то, что сегодня бы назвали «геноцид», в то время как ацтеки не совершали убийства, а лишь отправляли посланцев в иные миры, своего рода «почтальонов» к своим богам. Хотя ради справедливости следует признать, что отголоски былых «пиршеств» в ритуалах порой ощущались. Так, жрецы вполне могли и съедать органы жертвы, по которым производилось «гадание». В силу потребности в еще большем снижении внутривидовой агрессивности (социальная структура общества усложнялась, плотность населения росла) убийство сородича начинает караться еще строже, чем раньше (принцип равной ответственности – «око за око», «зуб за зуб»). В связи с этим ритуальное человеческое жертвоприношение (которое и так применялось лишь в экстраординарных случаях в качестве самого «радикального» средства) окончательно заменяется жертвоприношениями животных (т. е. убийство табузируется в целом как явление). Если и дальше продолжать этот вектор, исходя из необходимости (в связи усложнением структуры общества и ростом плотности населения) снижать внутривидовую агрессивность, то достаточно легко прочертить прямую через отмену жертвоприношений животных (и осуждение корриды, как «варварского пережитка» этих жертвоприношений) до полного вегетарианства (как отказа от убийства животных вообще). Следующим шагом, видимо, будет запрет на убийство растений и переход на непосредственную утилизацию энергии путем выработки в организме хлорофилла.

Итак, перед нами человеческое жертвоприношение со следами двух этапов вытеснения. В облике зверя-грома лишь констатируется зооморфизм, без конкретного названия вида животного, приносимого в жертву. Это объясняется, как уже говорилось, перенесением на жертву черт тотема, а возможно, и зооморфной тотемистической атрибутики шамана (по смежности), исполняющего ритуал, т. е. черт более позднего времени. То, что жертва не объявляется тотемом (ритуальное поедание которого было свойственно тотемизму) и не называется просто жертвенным животным (как это было бы в более поздние времена), а «богом грома» может иметь несколько причин. Первая: на жертву переносятся свойства магического атрибута, который из нее будет сделан, т. е. барабанных палочек (подобие грома как бы «сидит» в барабане, а при помощи палочек его выпускают). Ритуальный барабан всегда считался священным пред-

метом – и при тотемизме и при шаманизме, так как его бой служил инструментом погружения в измененное состояние сознания. В тотемизме это было нужно для переживания своего тождества с тотемом, а в шаманизме для перехода из одного мира в другой (тотем здесь превращается в защитника, своего рода «ангела-хранителя» путешественника по мирам). Теперь о второй возможной причине того, что жертва именуется «богом грома». Этой причиной может быть перенос свойств божества, которому приносилась жертва, на саму жертву. В этом случае перед нами «бог грома», а это предполагает наличие небес, на которых он обитает, т. е. нескольких миров, – соответственно, речь идет о времени господства шаманизма.

Заканчивая развернутый анализ мифа о противоборстве Хуан-ди и Чию, а также о последующем разрушении «лестниц на небеса», остается лишь добавить, что посредством обращения к магии и жертвоприношения Хуан-ди поднял дух своего войска, а бой священного барабана вселил в воинов храбрость, и войско Центра победило «медноголовых», чей предводитель затем был публично казнен.

VII

Говоря о мифологеме «разрушения лестниц на небеса», невозможно не отметить его чрезвычайную распространенность в мифологии различных народов. Обычно это связывается с понятием Мирового древа (поддерживающего и связывающего миры) и всевозможными вариантами его повреждения.

На наш взгляд, именно на основе этой мифологемы конструируется миф о первых государствах, в исторической плоскости восходящий к такому явлению, как объединение в одном лице (единодержавного правителя) власти светской и религиозной и ликвидация жречества как силы, определяющей стратегические задачи общества и монополю владения сакральным знанием. В лучшем случае, жрецам оставались чисто ритуальные функции, в то время как «сакральным» делалось уже не знание, а воля императора. Жрецы либо изгонялись (уничтожались), либо оказывались своего рода чиновниками, исполняющими волю властителя (в области ритуала).

В силу объединения (отождествления) власти земной и небесной (сакральной) небеса как бы «опускались на землю», отождествляясь, «слипаясь» с ней. Отсюда, как представляется, происходит прямое отождествление богов и правителей: Хуан-ди одновременно является и правителем, и верховным богом. Первоначально, вне всяких сомнений, Правитель, который хотя и являлся ритуальным подобием бога в земном мире, не отождествлялся и не мог отождествляться с богом. Вероятно, и имя у правителя было какое-то иное, и лишь после сосредоточения в своих руках всей полноты власти он принимает иное самоназвание, т. е. узурпировав полномочия жречества, вполне логичным образом узурпирует и имя бога, делая его своим собственным (аналогично в Древнем Египте, где имя верховного бога входило составной частью в имя фараона). При этом данное имя указывает не на родство с богом (что-то вроде отчества), а является именно основным. Возможно, полное отождествление первого правителя и верховного бога произошло позже, в результате дезактуализации какой-то части мифа и утраты части исторических сведений. Об этом говорит то, что подобное отождествление характерно именно для первых государств. Впрочем, многие исследователи считают, что в большинстве цивилизаций «первыми» считали именно тех государств, которые централизовывали государство и, соответственно, сосредоточивали в своих руках всю полноту власти. При этом они могли быть по хронологии и не первыми, но все же подвергались отождествлению с богами именно их (напр., тот же Хуан-ди; легендарный египетский правитель Осирис и его сын-преемник Хор; из более поздней истории – Кецалькоатль, верховный бог тольтеков, бог-податель культурных благ и одновременно первый правитель (у инков те же функции исполнял Манко Капак), на Руси –

Владимир Красное Солнышко (! – отождествление с богом, присутствующее в имени, хотя и на старый, языческий манер)).

Впрочем, здесь может быть одно серьезное возражение, а именно – в виде общераспространенной точки зрения, что логика «обожествления» была иной, а именно: какой-либо выдающийся правитель, много сделавший для народа, умирая, попадал на небеса, а потом его постепенно, в благодарность за все благодеяния, обожествляли. На это можно выставить два контраргумента. Первый: благодарность счастливых потомков может быть достаточным основанием для причисления к «лику святых», но отнюдь не достаточным для отождествления с верховным божеством, подобные процессы носят всегда сакральный характер и должны иметь свое закрепление в ритуале (т. е. отражать серьезные сдвиги в нем). В противном случае память о «благодеяниях» исчезнет на памяти одного поколения, а благодарность перейдет в неактуализированную форму. Это подтверждается наличием в истории огромного числа «заслуженных» правителей-благодетелей, которые, тем не менее, не были удостоены столь очевидного божественного статуса (напр., Менес, объединивший Верхний и Нижний Египет, Тутмос III Завоеватель, русские князья Олег, Святослав или Ярослав Мудрый, правитель инков Виракоча и т. д. и т. п.). Кроме того, ошибкой было бы считать, что все приписываемые обожествленному правителю благодеяния были первичны, т. е. являлись причиной этого обожествления. Вероятнее как раз другой вариант: культурные деяния других правителей вполне логично приписывались тому, кто узурпировал божественный статус (как не вспомнить аналогии из современной истории о «великом вожде народов», «корифее всех наук», «лучшем друге всех детей и физкультурников»). При этом прочность закрепления этих представлений в памяти зависела лишь от последующей, обозримой на памяти нескольких поколений, конъюнктуры. При более длительном временном отстоянии данная мифологема либо становилась составной частью ритуала, т. е. переходила в разряд действительных стереотипов, либо дезактуализировалась в результате «реставрации» или недостаточной закрепленности в ритуале, переходя в разряд преданий или суеверий. Но даже в этих случаях обожествление имело место – только негативное. Такие правители отождествлялись со злыми божествами, демонами и т. п., т. е. все равно происходило то самое «сведение небес» на землю, «слипание» с ней. Второй контраргумент против распространенной точки зрения на механизм обожествления первых правителей состоит именно в том, что обожествлению подвергались и «мятежные правители», становясь при этом «злыми» богами. Нелишне будет пояснить, что определение «злой» или «добрый» в данном случае не имеет ни малейшего отношения к исторической правде и не в коей мере не является отражением личных качеств обожествленной впоследствии личности. В подавляющем большинстве случаев факты говорят как раз о совершенно обратном. Так например, исторический (а не былинный) князь Владимир прославился не только своей чрезвычайной жестокостью, но и поистине чудовищным вероломством (впрочем, даже в некоторых былинах отражено его вероломство), так что выражаясь метафорически, он обладал поистине былинным вероломством. Тем не менее, отождествляясь с верховным божеством, он «оттягивал» на себя часть благодатных свойств этого божества, становясь объектом особого почитания. Аналогичные процессы (если говорить об истории России) можно наблюдать в облике Ивана Грозного, который проводил жесткую политику централизации и усиления государства и ограничения власти церкви (убийство митрополита Филиппа, выступившего против опричнины). Негативное отношение к себе он получил в результате «реставрации», а также в связи с тем, что отрицательное мнение о нем священнослужителей было выгодно представителям новой династии Романовых, для которых это было лишним подтверждением справедливости их права на престол. В облике Петра Первого также можно обнаружить сходные черты. Он занимался централизацией государства и укреплением власти (разумеется, притесняя духовенство). Разница состояла лишь в том, что ему удалось избежать «реставрации» путем прямого уничтожения раскольников (которые, к слову сказать, по-своему «обожествили» его, объявив антихристом

и предав анафеме). Остальные стали считать его Великим (в рамках монотеистического христианства и при наличии письменной истории отождествление с верховным божеством было затруднительно). В этом участвовало и духовенство, которое под властью Синода (учрежденного Петром), стало чем-то вроде министерства, а сами священники – разновидностью чиновников, находящихся на «государственной службе». Характерно, что роль «идеального государя» Петр занял и долгое время в этом качестве вдохновлял (и даже до сих пор вдохновляет) лучших людей страны (Ломоносов, Пушкин, Державин и т. д.).

На то, что «слипание» небес и земли – процесс циклический и универсальный, нам указывает единовременный характер обожествления многих действующих лиц, принадлежащих одной эпохе. Вместе с правителем обожествлению подвергался целый пласт персонажей, непосредственно задействованных в идеологически значимой части сюжета (такой частью всегда оказывалась история борьбы верховного божества за единоначалие). Если обожествлялся Осирис, то обожествлялись и Изиды с Хором и Сетом, если обожествлялся Хуан-ди, то обожествлялся Чию с его 72 братьями, если обожествлялся Зевс, то обожествлялись и его противники, трансформировавшиеся в титанов, свирепого бога-отца Кроном и т. д. Именно так, вероятнее всего, формировался первоначальный пантеон богов, который в последующие эпохи лишь расширялся и достраивался. При этом обожествление происходило не односторонним порядком, но путем наложения друг на друга черт земных и небесных (более древних) аналогов. «Слипшиеся» земля и небо изменяли друг друга, формируя нечто третье. И лишь затем, когда новое миропонимание проникало в ритуал и становилось, соответственно, стереотипным, новое жречество отделяло небеса от земли (кстати, одним из основных деяний богов, создающих мир, является, согласно мифам, разделение земли и неба). В качестве своего рода аллегории из греческой мифологии может служить такая картина. Атлас, бог, поддерживающий небесный свод, олицетворяет собой жречество. Геракл, герой, олицетворяет собой власть земную. Геракл провоцирует Атласа на то, чтобы он отдал ему поддержать небесный свод. Получив небесный свод, Геракл не выдерживает, и небо «слипается» с землей. Не в силах нести далее тяжелое бремя небесного свода, он снова вручает его Атласу (т. е. жречеству). К слову сказать, мифологический Геракл, согласно описаниям его двенадцатого подвига, «заглянул» к Атласу по пути к Гисперидам: с чудесного дерева у них в саду он собирался сорвать три яблока, чтобы доставить в Микены тамошнему царю. А Гиспериды приходились дочерьми Атласу. Вырисовывается интересная связь: Атлас, поддерживающий небо, – Гиспериды – волшебное дерево, являющееся ни чем иным, как Мировым деревом, связующим миры, к которому шаманы (жречество) имели самое непосредственное отношение. Так что насколько приведенный пример является аллегорией – еще вопрос.

VIII

Теперь самое время вернуться к конфуцианству. На момент его создания, в мировоззренческой системе присутствовал явный кризис, возникший в результате описывавшегося «слипания» небес и земли. В результате сосредоточения всей полноты власти в одних руках жречество было отстранено от реального участия в решении вопросов «стратегии», статус жреца был снижен до уровня «гадателя» или «толкователя». Опальные же жрецы более высокого уровня (обладавшие доступом к вершинам сакрального знания), по всей вероятности, составили основной костяк тех отшельников-изгоев, которые сосредоточили свои поиски именно на магии и познании сакральных истин, решив не возвращаться в общество и не расплывать свои силы на ритуал (т. е. на формирование, в соответствии с сакральными знаниями, методик выработки у обычных людей поведенческих, социальных стереотипов). Преемниками таких «изгоев» вполне можно считать даосов (не случайно в их техниках такое огромное внимание уделяется магии), а позже и буддистов. Таким образом, сакральное знание становилось делом

сугубо частным, индивидуальным. Естественным следствием этого было то, что ритуал а) потерял связь с сакральным (небом), выпав из системы и замкнувшись на себя, б) постепенно утрачивал внутреннюю обусловленность, т. к. отсутствовали реальные механизмы воспроизведения социальных стереотипов. Требуя постоянной актуализации и не получая ее, стереотипы расшатывались, неизбежно ведя к «упадку нравов». Ритуал, утративший свое сакральное значение, превратился в бессмысленное, с точки зрения социально-этической, действие, которое тем не менее продолжало по инерции существовать, все больше и больше (в результате дезактуализации своих отдельных элементов) переходя в разряд суеверий. Эстетизация ритуала, неизбежно сопровождавшая утрату им сакрального смысла, привела к возникновению литературы. Тем не менее социально-этическая система нуждалась в реформировании, т. к. божественной санкции на верховную власть («дэ») было явно недостаточно для того, чтобы выстроить на ней новый ритуал.

Именно с такого рода проблемами столкнулся Конфуций, создавая свою философскую систему. И, надо признать, решил он их до гениальности просто. Если реформировать ритуал – сложное, длительное и крайне неблагоприятное занятие, т. к. избежать вопроса о сакральном (т. е. о взаимоотношении с небесами) при этом вряд ли удастся, не проще ли вообще снять вопрос о сакральном с «повестки дня» и, соответственно, стереть небеса вовсе с карты мировоззренческой системы, дабы не апеллировать к ним, объясняя необходимость так или иначе устраивать земные дела. Но чем же тогда мотивировать насаждаемые общественные стереотипы? Ответ гениально прост. Ничем. Они необходимы, потому что необходимы. Чиновник не должен раздумывать над смыслом спущенного ему циркуляра, он должен его исполнять. Отсюда основной принцип – следование своему долгу, определяемому положением в обществе, должностью и т. д. – одним словом, социальной иерархией. Основное усилие здесь было направлено на консервацию ритуала в определенном виде, чтобы уберечь его от дальнейшего распада. Не имея никакого внешнего объекта (напр., в виде неба), с которым система могла бы сравниваться или уподобляться ему, она была вынуждена бесконечно уподобляться самой себе. Отсюда вполне логично вытекает отсутствие прямой перспективы (будущего) в конфуцианстве, т. к. кроме самой системы не существует ничего, а изменяться можно лишь в соответствии с чем-то, но если этого «чего-то» нет, то и любое изменение, направленное в будущее, становится в принципе невозможно. Самой себе же уподобляться система могла лишь в обратной перспективе, т. е. ориентируясь на прошлое и воспроизводя свой прошлый «слепок» на каждом новом этапе. При этом единственным критерием истины становится адекватность процесса самовоспроизведения. Из этого прямо следует приверженность конфуцианства традиции как единственного объяснения тех или иных деяний. Однако обратная перспектива должна быть конечной, т. к. воспроизведению подлежит именно система взаимоотношений (т. е. ритуал). В противном случае (если, например, декларируются лишь общие универсальные принципы), ритуал не фиксируется в определенном виде, т. к. принципы общего характера предполагают изменение ритуала в соответствии с меняющейся жизнью, т. е. в результате система получает снова прямую перспективу, а там неизбежно начинается «маячить» вопрос о «внешнем, внесистемном факторе», объекте уподобления, который бы стал критерием правильности или неправильности происходящих перемен. А наличие «внешнего фактора» – небес, абсолюта и т. п. – вновь возрождает проблему, от которой, собственно, и пытались избавиться. В связи с этим следовало создать в прошлом некий «эталон» общества, которому система должна была уподобляться на каждом новом этапе. Что Конфуций и его последователи сделали, смоделировав эпоху «идеальных государей» (на примере легендарных Яо, Шуня, Вэнь-вана и др.), когда, по их мнению, общество находилось в должном состоянии. Окончательной консервации ритуала должен был содействовать так называемый процесс «исправления имен», который являлся ни чем иным, как механизмом самовоспроизведения и внутрисистемной актуализации ритуала. Полагая язык одной из самых консервативных областей человеческой жизни (то,

что досталось от предков), Конфуций считает его вполне приемлемым критерием для определения адекватности самовоспроизведения системы. В соответствии с этим критерием, все должно соответствовать своим именам: правитель должен быть правителем (т. е. вести себя как правитель), подданный – подданным и т. д. Т. е. консервация ритуала здесь достигает своего апогея. Часть нагрузки по формированию общественных стереотипов снимается собственно с ритуала (понимаемого как определенное действие) и передается языку (не случайно китайская лексика столь насыщена ритуальностью). Возникает своего рода языковая социальная матрица. Осуществлять непосредственный перенос и контроль за «исправлением имен», т. е. самовоспроизведением системы, должен «цзюнь-цзы» («благородный муж»), наделенный для этого соответствующими качествами: «жэнь» (гуманность), «и» (справедливость), «чжи» (знание) и «ли» (ритуал). Прямой перевод этих понятий не отражает их истинного наполнения и требует пояснений. «Жэнь», гуманность, означает выстраивание отношений между людьми в духе солидарности, аналогичной родственной близости членов семьи. «И», (справедливость), означает исполнение людьми взаимных обязанностей в соответствии с их чином. «Чжи» – это вовсе не знание вообще, а знание того, что должно делать и как это сделать. Принцип «ли» было бы правильнее перевести не как «ритуал», а «самодисциплина», т. к. данное понятие предполагает следование правилам благопристойности, вносящим в поведение человека меру и упорядоченность. Следуя означенным правилам, «благородный муж» поддерживал тем самым «вэнь» – понятие, означающее не что иное, как образец идеального общества, созданный древними правителями (Яо, Шунем и др.). В этом, согласно Конфуцию, состоит «дао», т. е. истинный путь (в отличие от даосов, для которых дао – вселенский принцип). Божественное (правильнее было бы сказать – высшее, т. к. «бог» в конфуцианстве – понятие внесистемное) предназначение («дэ») состоит именно в следовании по этому пути и теперь (в соответствии с отсутствием в системе небес) становится уже не прерогативой правителя (который уже не нуждался в оправдании своего статуса), а достоянием каждого члена общества, т. к. своим исполнением «дэ» он может влиять на положение дел в Поднебесной.

Трудно удержаться от приведения аналогий с коммунизмом, который тоже обладал своей социальной матрицей (собственно, «коммунизм»), отрицал существование бога, имел своих «цзюнь-цзы» (пролетариат), но обладал определенными «дестабилизирующими» систему недостатками, унаследованными от христианства – идея мессианства, произвольное манипулирование в «идеологических» целях ритуалом, вытекающее, по всей вероятности, из «прямой перспективы» (которая, в свою очередь, неизбежно порождает вопрос «а дальше что?»). Все это порождалось, думается, из-за своего рода разрушенного призрака небес, которые, хотя и негативным образом, но все же присутствовали в системе. «Ошибка» состояла в том, что небеса не «стерли», а просто «зачеркнули». Но это тема отдельного, причем не короткого, разговора, а пока отметим лишь то, что коммунизм, вероятно, не такая уж и чуждая китайцам система воззрений.

Как бы то ни было, в результате скорого провозглашения конфуцианства государственной религией «небеса» и «земля» оказались разделены окончательно и бесповоротно – они разошлись по разным системам, которые практически не соприкасались друг с другом. Все «дискуссии» между даосами и конфуцианцами касались, в основном, истолкования тех или иных мифологем прошлого – в частности, деяний правителей прошлого. Из-за отсутствия реального пересечения интересов полемика в целом была довольно беззлобной. Человек был волен выбирать свой путь самостоятельно: путь «земной» (продвижения по ступенькам социальной иерархии), т. е. путь конфуцианства, или путь «небесный», т. е. постижения бога (даосы, буддисты) и стать отшельником, странствующим монахом или удалиться в монастырь. Лишь намного позже, уже в чань-буддизме, это разделение частично преодолевается, хотя и в полном соответствии с принципом «богу – богово, а кесарю – кесарево».

Возникает резонный вопрос, а что было бы, если бы конфуцианцы, даосы и буддисты не развели «небеса» и «землю» по разным «ведомствам» и война между ними продолжалась? Вероятнее всего, процесс «слипания» и «отпечатывания» продолжился бы, распространившись на ритуал, – и «град небесный» и «град земной» вновь бы уподобились друг другу, породив какой-нибудь вариант монотеистической религии, которую бы неизбежно пришлось преодолевать впоследствии, при переходе от Империи к более демократичным формам правления (не этим ли объясняется повышенный интерес жителей западных стран к восточным учениям в наше время?)

В завершении хотелось бы сказать, что в этом предисловии мы не стремились дать исчерпывающую характеристику мифологии, но хотели лишь дать представление о тех процессах, которые ее формировали, об их взаимообусловленности и генезисе. Другими словами, попытались создать шкалу (или по крайней мере ее часть), в соответствии с которой можно было бы подойти к проблеме реконструкции мифов. А насколько это увлекательное занятие, читатель сам может судить, попробовав подойти с этой «шкалой» к мифам, приводящимся в книге.

И. О. Родин

I

Мир возникает из хаоса

Инь и янь

Инь и ян – основные понятия древнекитайского мировоззрения, нашедшие отражение как в философии, так и в мифологии.

Согласно общеизвестному мифу, в глубокой древности, когда не существовало еще ни земли, ни неба, в мире царил мрачный, бесформенный хаос. Постепенно в этом мраке возникли два великих духа – Инь и Ян, которые стали упорядочивать мир. Дух Ян начал управлять небом, дух Инь – землей. Предполагается, что первоначально понятие инь символизировало северный склон горы, ее теневую часть. Соответственно ян означало южный, светлый склон горы. Впоследствии инь трансформировалось в символ женского начала, севера, тьмы, смерти, земли, луны, четных чисел и т. п. Ян же стало символизировать мужское начало, юг, свет, жизнь, небо, солнце, нечетные числа.

Инь и Ян графически изображают обычно в виде двух запятых, вписанных в круг и напоминающих головастиков или рыб, причем в каждой из них заметна точка другого цвета – символ зарождения ян внутри инь и инь внутри ян.

Хуньдунь – воплощение первобытного хаоса

В древнекитайской мифологии существует образ Хуньдунь, воплощающий в себе идею недифференцированного хаоса, бывшего до того, как вселенная обрела свое существование.

Это образ первобытного яйца или мешка, расщепление которого дает возможность его неразделенному ранее содержимому обрести форму в виде организованной вселенной¹. Хуньдунь, или Хаос не имел обычных семи отверстий, присущих людям (глаза, уши, ноздри, рот). С этим необычным мифологическим персонажем связана полукوميческая притча, содержащая, однако, глубокий философский подтекст.

Вот её содержание: «Владыку Южного моря звали Шу – Быстрый, владыку Северного моря звали Ху – Внезапный, а владыку Центра – Хуньдунь – Хаос. Шу и Ху часто ради развлечения навещали Хуньдуня, Хуньдунь встречал их необычайно приветливо и предупредительно. Однажды Шу и Ху задумались о том, как отплатить ему за его доброту. Каждый человек, сказали они, имеет глаза, уши, рот, нос – семь отверстий в голове для того, чтобы видеть, слышать, есть и обонять. Но Хуньдунь² не имел ни одного из них, и жизнь его не была по-настоящему прекрасной. Самое лучшее, решили они, просверлить в нем несколько отверстий. Взяли Шу и Ху орудия, подобные нашим топору и сверлу, и отправились к Хуньдуню. Один день – одно отверстие, семь дней – семь отверстий. Но бедный Хуньдунь, которого лучшие его друзья так издырявили, горестно вскрикнул и приказал долго жить». Хотя Хуньдунь, в котором Шу и Ху, символизирующие быстротечность времени, просверлили семь отверстий, умер, но в результате возникли вселенная и земля.

¹ Идея первобытного яйца или «мешка», проявилась, в частности, в астрономической теории, имевшей хождение при династии Хань. Согласно этой теории, Небеса и Земля оформлены наподобие яйца, при этом Земля покрыта сферой Небес так же, как яичный желток покрыт скорлупой. В более поздние времена (династии Чжоу и Хань) тот же самый термин хуньдунь употребляется в текстах для обозначения недифференцированного хаоса, бывшего до того, как вселенная обрела свое существование. В знаменитой «Книге гор и морей» (относится ко времени Хань), Хунь-дунь – это существо, проживающее на юго-западе от Небесной горы (Тяньшань). Хунь-дунь описывается как существо цвета огня, ростом в шесть футов, с четырьмя крыльями. У него отсутствует голова, а по форме оно напоминает мешочек. Однако наиболее известное сообщение о Хуньдуне (эпоха Чжоу) – это притча из даосского произведения «Чжуан цзы» (III в. до н. э.), которая приводится в основном тексте настоящего издания. Возможно, с мифом о первоначальном хаосе (хунь-дуне) связаны более поздние предания, в которых центральную роль также играет кожаный мешок. Одно предание повествует о царе У-и (правил, согласно принятому мнению, в 1198–1195 гг. до н. э.), одном из последних правителей династии Шан. У-и изготовил человеческую фигуру и назвал ее Духом небес (Тянь-шэнь), потом сыграл с ним партию в шашки и выиграл ее. Будучи человеком злого нрава, У-и, чтобы выказать свое презрение к проигравшему, наполнил кожаный мешок кровью и подвесил его. После этого стал пускать в него стрелы, говоря, что расстреливает Небеса. Вскоре после этого царь был убит молнией на охоте. Похожие события описываются как произошедшие с последним царем государства Сун (спустя почти целое тысячелетие). Этот царь тоже подвесил кожаный мешок, наполненный кровью, и тоже стрелял в него, приговаривая, что расстреливает Небо. Вскоре после этого (282 г. до н. э.), он подвергся нападению со стороны других государств и был убит, а государство – уничтожено. Наряду со связью с концепцией хунь-дунь, возможна и иная трактовка данных преданий – а именно в связи с темой стрелка И, расстреливающего солнце (см. далее).

² В «Книге о чудесном и необычном» говорится, что Хуньдунь – это дикий зверь, похожий одновременно и на собаку и на бурого медведя, имеющий глаза, но ничего не видящий, имеющий уши, но ничего не слышащий. Глаза его незрячи, и поэтому он передвигается с большим трудом. Но стоит кому-нибудь забрести в его края, как он тотчас же почует это. Если он столкнется с добродетельным человеком, то в дикой ярости набрасывается на него, а если встретится со злым, то, низко припадая, кивая головой и махая хвостом, начинает ластиться к нему. Такой подлый характер был у него от природы. Когда ему нечего делать, он, чтобы дать выход злобе, кружится и с удовольствием кусает свой собственный хвост, задирает голову, смотрит на небо и громко хохочет.

Паньгу – творец мира

Существует и другое мифологическое предание о сотворении мира. В этом мифе, так же как в мифе о Хуньдуне, мир изначально представлял собой подобие куриного яйца, но впоследствии в нем зародился первопредок человечества – Паньгу³. Когда Паньгу вырос, он заснул и проспал в этом огромном яйце восемнадцать тысяч лет. Проснувшись, Паньгу не увидел ничего: вокруг был непроницаемый мрак, и сердце человека онемело от страха. Но вот его руки нащупали какой-то предмет. Это был невесть откуда взявшийся топор. Паньгу размахнулся что было сил и ударил перед собой. Раздался оглушительный грохот, словно бы от того, что надвое раскололась гора. Неподвижный мир, в котором находился Паньгу, пришел в движение. Все легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга. После того как Паньгу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпер головой небо. Так он и стоял, изменяясь вместе с ними. Каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан, и Паньгу вырастал на один чжан. Прошло еще восемнадцать тысяч лет – небо поднялось очень высоко, земля стала очень толстой, а тело

³ Миф о творении мы находим в сочинении III столетия н. э. «Сань-у ли-цзи» («Записи циклов по третьим и пятым»), ныне известном только по извлечениям в позднейших энциклопедиях. В нем имеется следующая история: «Небо и Земля были некогда слиты воедино, как куриное яйцо, внутри которого зародился Пань-гу (имя, вероятно, в переводе означающее «свернувшаяся [в кольцо] древность»; примечательно, что образы постепенно разворачивающегося змеи-времени и мирового яйца, как своего рода архетипы, чрезвычайно распространены в мифах огромного количества народов, что, с одной стороны, указывает на поразительную их жизнеспособность и устойчивость, а с другой – на то, что, возможно, у всех подобных мифологических представлений имеется общий древнейший источник). Через 18 тысяч лет изначальная масса разделилась пополам: на светлую, из этой части образовались Небеса, и на темную и тяжелую, из нее образовалась Земля. После этого в течение еще 18 тысяч лет Небеса ежедневно увеличивались на десять футов в высоту, Земля – на десять футов в толщину, а Пань-гу – на десять футов в длину. Так Земля и Небо разделились на нынешнее расстояние, составляющее 90 тысяч ли (приблизительно 30 тысяч миль). В других текстах, по-видимому более поздних, к основному мифу о творении добавляется, что Пань-гу умер, а его дыхание превратилось в ветер и облака, голос – в гром, левый и правый глаза соответственно в солнце и луну, четыре конечности и «пять тел» (вероятно, имеются в виду пальцы) – в четыре страны света и пять великих гор, кровь – в реки, мускулы и вены – в слои земли, плоть – в почву, волосы и борода – в созвездия, кожа и волосы на теле – в растения и деревья, зубы и кости – в металлы и камни, костный мозг – в золото и драгоценные камни, а пот – в дождь. Паразиты на его теле, оплодотворенные ветром, стали человеческими существами. Аналогичные представления о творении мы находим в других культурах. Так, «Ригведа» рассказывает нам, что космические воды изначально были ограничены скорлупой, но создавший вселенную бог Тваштри сотворил Небеса и Землю, а потом породил Индру. Напившись сомы (божественный напиток древних индийцев) Индра стал таким сильным, что заставил Небеса и Землю разделиться, а сам заполнил пространство между ними. Затем он разрезал покрытие, за которым покоились космические воды, и выпустил их наружу. Кроме того, другой, более поздний миф из «Ригведы» рассказывает, как Пуруша был принесен богами в жертву и части его разрубленного тела превратились в солнце, небо, воздух, землю, четыре стороны света, четыре слоя общества (касты) человечества и т. д. Наряду с «Ригведой» мифы Древнего Шумера полагали, что в начале времен существовало первобытное море, которое породило космическую гору, содержащую в неразделенном виде Небеса и Землю. Небо и Земля произвели на свет бога воздуха Энлиля, который отделил Небеса от Земли, затем унес Землю к себе и, заключив союз со своей матерью Землей, заложил основы устройства мира. В более поздние времена Пань-гу изображался (в том числе графически) как рогатый творец, высекающий вселенную с помощью молотка и тесла. В этих сочинениях, относящихся к III столетию и к еще более поздним временам, обнаруживается иной миф о творении, который, правда, большинство китайских ученых считают мифом не китайского происхождения: они связывают его с мифом о предках племен мяо и яо, народов Южного Китая (также впервые упоминаемых в III столетии). В соответствии с тотемистической традицией, эти племена возводят свое происхождение к собаке, именуемой Пань-ху. Этот пес был любимцем легендарного китайского правителя Ди-ку (считается, что Ди-ку правил около 2400 г. до н. э.). Особого благорасположения своего хозяина пес добился после того, как принес ему голову варварского полководца, досаждавшего царству своими набегами. За это, согласно предварительной договоренности, Пань-ху получил в жены дочь своего императора. Пес отнес свою супругу в горные укрепления на юге Китая, где их потомки стали предками современных племен мяо и яо. Вполне вероятно, данная легенда повествует о реально имевшем место событии: подвиге легендарного предка племен мяо и яо, относящегося к тотему Собаки. В архаических воззрениях нередко легендарные, героические личности прошлого отождествлялись с тотемистическим первопредком, отчего происходило наложение друг на друга различных мифологических (и, соответственно, временных) пластов. Как бы то ни было, кроме очевидного фонетического сходства имен Пань-гу и Пань-ху, а также того факта, что оба культа предположительно имели своим центром юг Китая, где их нередко смешивали между собой, никакого другого сходства между этими двумя мифами нет.

Паньгу также выросло необычайно. Как высочайший столб, стоял великан Паньгу между небом и землей, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Когда Паньгу понял, что мир завершен, он радостно вздохнул. С этим вздохом родились ветер и дождь. Он открыл глаза – и начался день. Но жизнь Паньгу была в росте, и, прекратив расти, он должен был умереть. Его тело стало светом и жизнью. Левый глаз засиял солнцем, правый заблестел луной. Четыре конечности и пять внутренних частей тела стали четырьмя сторонами света и пятью священными горами. Кровь превратилась в реки и ручьи, жилы и вены – в дороги, покрывшие землю. Плоть стала почвой, а волосы на голове и усы – растительностью на ней. Зубы и кости обратились в золото и драгоценные камни, костный мозг в жемчуг и нефрит, предсмертный пот, выступивший на теле Паньгу, стал дождем и росой.

Стоит упомянуть ещё об одной легенде, мотивы которой просматриваются в некоторых графических изображениях Паньгу – его иногда рисовали с солнцем в одной руке и луной в другой. Якобы, создавая вселенную⁴, Паньгу неверно расположил солнце и луну, которые одновременно скрылись за морем, и земля погрузилась во мрак. Тогда Паньгу написал на левой ладони иероглиф «солнце», а на правой – «луна». Вытянув вперёд левую руку, он позвал к себе солнце, потом вытянул правую и позвал луну. Так он повторил семь раз, после чего солнце и луна поделили сутки и стали поочередно освещать землю.

⁴ Согласно «Книге гор и морей», существует и иная версия о сотворении мира. Согласно ей, богом-творцом выступает дух Чжулунь – Дракон со свечой с горы Чжуншань (см. ниже, в разделе об удивительных существах, где рассказывается о драконах).

II

Нюйва создает и опекает людей

Богиня Нюйва лепит людей из глины

Земля тогда уже отделилась от неба. Ввысь поднялись священные горы. К морям текли реки, полные рыб. Леса и степи были наполнены животными, а реки – рыбой. Над лугами парили птицы. Но мир еще не был завершен: не было людей.

Однажды прародительница Нюйва⁵ – богиня с туловищем змеи и человеческим лицом и руками – подползла к пруду, набрала горсть желтой глины и, глядя на колебавшееся в воде изображение верхней части своего тела, вылепила небольшую фигурку, а потом вылепила ей ножки. Как только богиня закончила работу, фигурка ожила и весело запрыгала.

Нюйва обрадовалась тому, что ей удалось создать человека. Продолжая свой труд, она вылепила еще несколько сотен человечков обоего пола. Нюйва понимала, что у нее не хватит ни сил, ни времени на то, чтобы вылепить столько людей, чтобы они могли населить землю. Она сорвала свисавшую с обрыва лиану, опустила ее в топь пруда и, когда лиана покрылась глиной, стряхнула ее на землю. Падая на землю, кусочки глины превращались в человечков⁶.

Но со временем люди умирали, а создавать их всякий раз заново было слишком утомительно. Поэтому Нюйва, соединив мужчин и женщин, заставила их самих продолжать свой род.

⁵ Божество-устроительница Нюйва (в более точной транскрипции – Нюй-гуа, что переводится как Женщина Гуа) хотя и достаточно заметна во время династии Хань, в более ранней литературе упоминается лишь дважды. Пол ее (несмотря на имя) определяется только в I столетии н. э. Около этого же времени ее начинают описывать как сестру (или супругу) гораздо более прославленного легендарного персонажа Фу-си (что переводится как Покоритель Зверей), мудреца, согласно преданию, жившего около 2800 г. до н. э. Ему приписывается обучение людей охоте и приготовлению пищи, изготовлению сетей и т. п. На каменных рельефах алтарей при гробнице У Ляна (ок. 150 г. н. э.) Фу-си и Нюй-гуа предстают вместе. Человеческие у них только верхние части тела, нижние же переходят в змеиные хвосты, свивающиеся между собой (хтонические образы, довольно часто встречающиеся и в мифологиях других народов, в частности, греческой, шумерской, древнеславянской, мифологии месоамерики). Фу-си держит в руке плотничий угольник, а Нюй-гуа – компас. Видимо, это символы их созидательной деятельности. Однако, в качестве изобретателя и правителя Фу-си выступает лишь со времени Хань, относительно же его созидательной деятельности в более ранние времена (а стало быть и соотношении с образом богини Нюйвы (Нюй-гуа)) нет никаких упоминаний.

⁶ В сочинении Ин Шао (жил между 140 и 206 гг.) «Фэн-су тун-и» («Общий смысл обычаев»), не дошедшего до нас и известного только по цитатам из позднейших произведений, Нюйва (Нюй-гуа) лепит людей из глины (см. основной текст): вначале из желтой земли, а устав, при помощи шнура (лианы). Различиями в способе производства людей объясняется их изначальное неравенство (в том числе предопределяется и неравенство социальное): богатые и знатные – это люди, изготовленные из желтой земли, в то время как бедные и ничтожные, т. е. обычные люди, – это люди, изготовленные с помощью шнура. Является ли миф о Нюйве (Нюй-гуа), как создательнице рода человеческого, народным добавлением к первоначальной теме Нюй-гуа, чинившей и приводившей в порядок мир, – неизвестно, т. к. никакого сюжета, предшествующего данному мифу (о сотворении самой Нюйвы) не существует, по крайней мере он не дошел до нашего времени. Нюйва (Нюй-гуа) появляется в уже существующей вселенной. Логично было бы предположить, что миф о Нюй-гуа – это целиком создание эпохи Хань, но этой версии противоречат упоминания ее имени, обнаруженные в чжоуской литературе (по меньшей мере два).

Нюйва – богиня любви и брака

Нюйва установила для людей форму брака и стала самой первой свахой. Поэтому последующие поколения почитали ее как богиню сватовства и бракосочетания. Люди приносили жертвы этой богине, причем церемонии в ее честь были необычайно пышными: за городом в поле строили алтарь, воздвигали храм и во время праздника приносили ей в жертву свиней, быков и баранов. Из года в год во втором месяце весны юноши и девушки, собравшись вместе около храма, развлекались и веселились. Тот, кто находил себе по сердцу пару, мог без каких-либо обрядов свободно вступить в брак. Под открытым небом при свете звезд и луны они сооружали шалаши, ковер из зеленой травы служил им постелью.

Это было «соединение по воле неба». Во время этих встреч исполнялись красивые песни и танцы, посвященные богине. Те, у кого не было сыновей, приходили к храму просить мужское потомство. Так Нюйва стала не только богиней бракосочетания, но и богиней, дарующей детей.

В каждом царстве подобные жертвоприношения совершались в разных местах: в горах или лесах, на берегах озер или рек – одним словом, в какой-либо красивой местности.

В преданиях сказано, что Нюйва еще создала музыкальный инструмент шэнхуан и подарила его людям. Это был губной органчик (шэн), с тоненькими листочками-язычками (хуан); стоило только подуть, как из него лились звуки. Он имел тринадцать трубочек, которые были вставлены в полую половину тыквы-горлянки. По форме органчик напоминал хвост феникса.

Известно, что на нем в древности играли во время веселых обрядов, которые были тесно связаны с чистой юношеской любовью. Каждый год, весной, когда цветут персики и сливы, а небо безоблачно, ночью, при ярком свете луны, люди выбирали среди полей ровное место, которое называли «лунной площадкой». Юноши и девушки надевали праздничные одежды, собирались на этой площадке, играли на шэне веселые мелодии, становились в круг, пели и танцевали «лунные танцы».

Иногда танцевали парами: юноша шел впереди, играя на шэне, а девушка следовала за ним, звеня колокольчиками. Так они кружились в танце всю ночь без усталости. Если их чувства были взаимны, они могли, взявшись за руки, уйти от остальных в какое-либо укромное место. Эти танцы были очень похожи на пляски и песнопения юношей и девушек, которые исполнялись в древности перед храмом высшего божества бракосочетания. Ведь создание шэна первоначально было тесно связано с любовью и бракосочетанием.

Нюйва спасает мир от гибели

Затем жила Нюйва некоторое время, не зная забот. Но землю охватили великие бедствия. В некоторых местах обрушился небосвод, и там образовались огромные черные дыры, через которые просочился жар, и загорелись леса. Образовались провалы, через которые хлынули подземные воды. Забыв на время вражду, Вода и Огонь объединились, чтобы уничтожить людей.

Видя, как страдают ее создания, Нюйва принялась за работу⁷. Она собрала множество разноцветных камней и, расплавив их на огне, заделала полученной массой небесные дыры. Нюйва поймала и убила гигантскую черепаху, отрубила у нее четыре ноги и поставила их в четырех частях света в качестве подпорок, державших небосвод⁸. Впрочем, небосвод не вернулся в свое прежнее состояние. Он несколько покосился, и это отразилось на движении солнца, луны и звезд. К юго-востоку от Поднебесной страны образовалась огромная впадина, которую заполнили воды всех морей и рек. Ее называли Океаном. Люди вновь заселили землю.

Рассказывают, что к этому времени часть диких зверей давно уже погибла, а те, что остались, были постепенно приручены и стали друзьями человека. Наступила для людей счастливая жизнь, без печалей и забот. На обширных просторах росли съедобные растения, которые не нужно было выращивать, а есть можно было вволю. Если рождался ребенок, его клали в птичье гнездо, висевшее на дереве, и ветер качал гнездо, как люльку. Люди могли таскать тигров и барсов за хвосты и наступать на змей, не опасаясь укусов. По-видимому, это было время еще более древнее, чем «золотой век», который впоследствии рисовался в воображении людей.

Нюйва радовалась, видя, что ее детям живется хорошо.

⁷ Наилучшее описание деятельности богини Нюйвы (Нюй-гуа) приводится в шестой главе произведения «Хуайнань-цзы» (эпоха Хань, II в. до н. э.) – сочинения, богатого мифологическими материалами. «В очень древние времена четыре столба [по четырем странам света] были низвергнуты, девять областей [обитаемого мира] раскололись на части, Небеса не покрывали всего [мира], а Земля не поддерживала полностью [Небеса]. Огонь бушевал – и никто его не тушил, воды разливались – и никто их не сдерживал. Любые звери пожирали людей, хищные птицы терзали старых и слабых своими когтями. Вот почему Нюй-гуа сплავила вместе камни пяти цветов и залатала ими лазурное Небо. Она отрезала ноги у черепахи и укрепила ими четыре столба. Она заколола Черного Дракона, чтобы спасти область Цзи [нынешние провинции Хобэн и Шаньси в Северном Китае]; она собрала тростниковую золу, чтобы запрудить непокорные воды». Далее в произведении рассказывается, что после означенных действий установилась всеобщая гармония: времена года сменяли друг друга в установленном порядке, животные спрятали когти и зубы, а змеи укрыли в себе свой яд. Люди жили, всегда полные сил, и не нуждались в том, чтобы восстанавливать их во время сна, т. е. постоянно бодрствуя.

⁸ Упомянутые в этом мифе «четыре столба» соотносятся с существующими во многих культурах космологических верованиями, что Небеса подперты столбами или покоятся на каких-то других основаниях. В Китае (где, в соответствии с рельефом местности, столбы мыслятся как горы) наиболее ранние упоминания о них встречаются в поэме «Тянь вэнь» (IV в. до н. э.), где, правда, говорится не о четырех, а о восьми столбах. В этом же источнике (и в некоторых других текстах) говорится еще и о «вэй», или о «связях Земли». В качестве своего рода технического термина «вэй» означает веревку, которой тент над повозкой крепится к ее корпусу. Отсюда, по аналогии, «вэй» Земли (иногда с указанием числа четыре) служит для того, чтобы крепить к Земле, лежащей внизу, тент Небес. Возможно, в представлениях о «вэй» можно усмотреть отголоски мифа о мировом древе (этот миф есть в большинстве культур) – связующем звене между мирами, уравновешивающем мироздание, являющемся своего рода осью, проходящей через все миры (подземный, наземный и небесный). Некоторые писатели эпохи Хань связывают историю Нюй-гуа с космической битвой между легендарным правителем Чжуань-сюем (жил, согласно преданию, в XXV в. до н. э.) и разбойником Гун-гуном (в поздниханьское время он описывается уже не как человек, а как рогатое чудовище с телом змеи). Согласно легендам, когда Гун-гун безуспешно боролся за власть с Чжуань-сюем, он в пылу битвы споткнулся о гору Бучжоу (на северо-западе Китая), отчего в этом месте рухнул небесный столб и порвалась небесная веревка («вэй»). Именно поэтому Нюй-гуа пришлось латать Небо сплавленными вместе камнями и отрубать ноги у черепахи, чтобы его подпереть. Однако «следы» этой мировой катастрофы, как утверждает источник объясняя существующий миропорядок, сохранились и поныне. Небо и Земля на северо-западе наклонены друг к другу, а в противоположном конце друг от друга отдалены. Небесные тела до сих пор продолжают двигаться по Небу в северо-западном направлении, в то время как реки (в Китае) текут по Земле в океан (т. е. на восток). Несмотря на внешнюю убедительность данного сюжета, в нем тем не менее прослеживаются явные позднейшие наслоения, а также то, что он скомбинирован из различных источников (относящихся к разным культурным и временным пластам).

III

Человечество возрождается после потопа

Дети спасаются от потопа

Имя Ньюва принадлежало не только богине, но и легендарной девочке, которая вместе со своим братом Фуси (которого также нужно отличать от одноименного божества) избежала гибели во время всемирного потопа. Народности Юго-Западного Китая – яо и мяо – рассказывали о них следующую историю.

Однажды летом небо стало покрываться тучами, поднялся сильный ветер, загрохотал гром. Все предвещало ливень. Но люди, работавшие в поле, не спешили возвращаться домой. В этом не было ничего удивительного: ведь летом грозы бывают часто.

В тот день один мужчина решил починить крытую древесной корой крышу, которая протекала. Двое его детей, мальчик и девочка, в возрасте немногим более десяти лет, играли на улице и смотрели, как их отец работает. Закончив работу, он позвал детей в дом. И в это время хлынул дождь. Отец и дети закрыли двери и окна. Они радовались теплу и домашнему уюту. Дождь становился все сильнее, завывал ветер, раскаты грома усиливались, как будто бог грома Лэй-гун разгневался на людей и решил ниспослать на них тяжелое бедствие.

Отец словно предвидел приближение большого несчастья: под карнизом крыши его дома давно стояла железная клетка. Теперь он открыл ее, а сам, взяв в руки рогатину, бесстрашно встал рядом. И вот вслед за вспышкой молнии и мощным ударом грома Лэй-гун, с синим лицом, держа в руках деревянный топор, быстро спустился на крышу дома. Он взмахивал крыльями, и глаза его излучали яркий свет.

Мужчина, увидев Лэй-гуна, не теряя времени, бросился на него, зацепил за пояс рогатиной, запихал в клетку и втащил в дом. Затем человек позвал своих детей посмотреть на плененного Лэй-гуна. Дети сначала очень испугались при виде этого странного синеликого бога, но потом успокоились.

Отец решил убить Лэй-гуна и приготовить из него еду. На следующее утро он отправился на рынок за ароматными палочками. Перед уходом он сказал детям: «Ни в коем случае не давайте ему пить».

Когда мужчина ушел, Лэй-гун притворно застонал, прикинулся тяжело страдающим и попросил детей дать ему чашку воды. Но дети, помня запрет отца, отказались выполнить его просьбу. Тогда Лэй-гун стал умолять их принести ему хоть несколько капель, иначе он совсем умрет от жажды.

Девочка пожалела страждущего и сказала брату, что надо дать пленнику несколько капель.

Брат, подумав, что от нескольких капель ничего плохого не может произойти, согласился. Они вышли на кухню, зачерпнули из котла немного воды и напоили ею Лэй-гуна. Лэй-гун сразу повеселел, поблагодарил детей и попросил их ненадолго выйти из комнаты.

Как только дети выбежали, раздался оглушительный грохот. Лэй-гун, сломав клетку, вылетел из дома, торопливо вырвал изо рта зуб и, передав его детям, велел, чтобы они посадили зуб в землю. Если случится беда, дети смогут спрятаться в плодах дерева, которое из него вырастет. Снова загремел гром, и Лэй-гун взлетел на небо. Дети стояли как вкопанные, глядя ему вслед.

Тем временем, купив благовоний и всего необходимого для приготовления из Лэй-гуна еды, вернулся домой отец. Увидев сломанную клетку, из которой исчез Лэй-гун, он разыскал

сына и дочь и расспросил их о том, что произошло. Отец не стал наказывать неразумных детей. Чувствуя, что приближается большая беда, он взялся за работу: днем и ночью человек мастерил железную лодку.

Дети же, играя, посадили в землю подаренный Лэй-гуном зуб. Не успели они это сделать, как из глины появился нежный зеленый росток. Он прямо на глазах стал расти, и в тот же день появилась завязь, а на следующий день утром – огромный плод, невиданная по величине тыква-горлянка. Брат и сестра взяли из дома нож и пилу и отделили от тыквы верхушку. Внутри горлянки тесными рядами росли бесчисленные зубы. Дети не испугались, вырвали эти зубы и выбросили их, а сами залезли в полую тыкву. Оказалось, что места в ней как раз столько, чтобы поместиться им обоим. Они перетащили тыкву в укромное место, чтобы спрятаться в ней.

На третий день, когда отец уже закончил мастерить железную лодку, погода внезапно резко переменилась: со всех сторон подул жестокий ветер. Ливень хлынул с неба. На земле забурлили потоки воды. Холмы, высокие горы, поля, сады, жилища, леса и деревни – все превратилось в бескрайнее море. Это наводнение устроил Лэй-гун.

Как только начался ливень, дети быстро забрались в тыкву-горлянку, а отец сел в свою железную лодку. Вскоре поток подхватил лодку, и волны начали бросать ее из стороны в сторону.

Не перестававшая прибывать вода достигла, наконец, небосвода. Отец, смело управляя железной лодкой под ветром и дождем среди бушующих волн, приплыл прямо к небесным воротам. Он встал на носу лодки и начал громко стучать кулаками в ворота и кричать, чтобы его впустили. Громкие звуки «пэн-пэн!» разнеслись по небосводу.

Дух неба испугался и приказал духу вод немедленно отогнать воды. Приказание было исполнено, и через несколько мгновений дождь прекратился и ветер стих. Вода спала, и появилась суша. Когда наводнение прекратилось, смельчак вместе со своей лодкой упал с неба на землю. Железная лодка разбилась на мелкие кусочки. Такая же участь постигла и отца, вступившего в борьбу с Лэй-гуном: он разбился насмерть. Дети же, сидевшие в тыкве-горлянке, остались в живых. Упругая тыква, упав на землю, подпрыгнула несколько раз, но не разбилась.

Во время потопа все люди на земле погибли. В живых остались только эти двое детей, спасшиеся в тыкве-горлянке.

Прошли годы, дети стали взрослыми. Брат надумал жениться на сестре, но та не согласилась из-за их кровного родства.

Брат просил снова и снова, и тогда сестра предложила: если брат сумеет ее догнать, то они поженятся.

Она была ловкой и быстрой, и брат не смог бы ее поймать, если бы не схитрил: он неожиданно обежал девушку стороной, и сестра, не ожидая этого, столкнулась с ним лицом к лицу и оказалась в его объятиях. Вскоре они стали мужем и женой.

Прошло некоторое время, и женщина родила комочек мяса. Супруги очень удивились, но тут внезапно налетел порыв сильного ветра, и кусочки мяса разлетелись во все стороны. Падая на землю, они превращались в людей. Так в мире, пережившем потоп, вновь появились люди.

Нюйва и ее брат Фуси

Фуси и Нюйва как прародители людей действуют также в более древнем мифе, где они являются скорее полубогами, причем обладают соответствующей «составной» внешностью.

Когда вселенная была только что создана, Нюйва жила со своим братом (подразумевается Фуси) в горах Куньлунь.

Они решили стать мужем и женой, но устыдились. Тогда брат привёл Нюйву на вершину Куньлуня и произнёс заклинание: «Если небу угодно, чтобы мы поженились, пусть дым устремится столбом ввысь; если нет, – пусть дым рассеется». Дым поднялся столбом.

В резьбе по камню и кирпичу можно часто увидеть Фуси и Нюйву, имеющих голову человека и туловище змеи. Фуси и Нюйва изображаются до пояса в виде людей в головных уборах и в халатах, а ниже пояса – в виде змеи (иногда дракона), с крепко переплетенными хвостами и лицами, обращенными друг к другу, или же спиной друг к другу. Фуси держит в руках угольник, Нюйва – циркуль. На некоторых изображениях он держит солнце, в которое вписана золотая ворона, а у нее в руках луна с изображением жабы. Некоторые изображения украшены облаками, среди которых парят крылатые посланцы неба с человеческими головами и змеиными телами. Встречаются рельефы, на которых изображен маленький мальчик, который тянет двух взрослых за рукава – это изображение символизирует семейное счастье.

Такие изображения свидетельствуют о том, что Фуси и Нюйва в древних преданиях представляли мужем и женой. Эти изображения и записи в древних книгах позволяют нам с уверенностью сказать, что, согласно китайской мифологии, род человеческий пошел от небесных божеств – полулюдей-полуживотных.

Образы их восходят к обожественным первопредкам, а позже они превратились в духов-охранителей могил⁹.

⁹ В соответствии с некоторыми источниками, дальнейшая судьба Нюйвы была такова. Закончив свою работу для человечества, она решила отдохнуть. Этот отдых называется смертью, но это вовсе не бесследное исчезновение. Подобно Паньгу, она, превратилась в различные вещи и существа. Так, например, в «Книге гор и морей» (эпоха Хань) говорится о том, что кишки Нюйвы превратились в десять святых, поселившихся на равнине Лигуан; поэтому их называли «Нюйва-чжи чан», (т. е. «Кишки Нюйвы»). По другим (судя по всему, более поздним) вариантам, великая Нюйва вовсе не умерла, а, закончив трудиться для людей, села в колесницу грома, запряженную двумя летающими драконами (фэйлун), и приказала белым безрогим драконам (байчи) прокладывать ей путь. Змеям же велела лететь следом за колесницей. Над колесницей во время пути плыли желтые тучи, а духи вместе с небесными и земными демонами следовали за богиней. На колеснице она поднялась на девятое небо, прошла сквозь небесные ворота и, представ перед Небесным владыкой, рассказала о всех своих свершениях. После этого она тихо и спокойно, подобно отшельнику, ушедшему от мира, жила в небесном дворце и не кичилась своими заслугами, так как их она приписала великой природе, считая, что все свои деяния совершила следуя влечению естества.

IV

Удивительные существа, населявшие древний мир

Удивительные жители неведомых стран

Мир, описанный в древнекитайских мифах, был, разумеется, наполнен чудесными и удивительными созданиями. Согласно легендам, в многочисленных дальних странах жили люди и другие существа, обладавшие поразительными свойствами.

Так, например, все жители Страны Благородных были исполнены гуманности, любви и добродетели. О жителях этой страны рассказывалось много любопытного. Одежда и шапки, которые они носили, были у них очень аккуратные, на поясе висел меч. У каждого жителя было в услужении два полосатых тигра. Все жители были скромны, вежливы и никогда не затевали ссор. Тигры тоже были ручными и смирными, как наши домашние кошки. Рынки там были переполнены, но никакого беспорядка и сутолоки не было, хотя люди и тигры сновали взад-вперед.

У жителей Страны Трудолюбивых лицо, руки и ноги были черными. Они всегда находились в состоянии смятения, что бы они ни делали – ходили, стояли, сидели, лежали, – все время они были беспокойны. У них был озабоченный вид, даже если никаких дел у них не было. Поэтому их прозвали трудолюбивыми, а постепенно это название стало относиться и ко всей их стране.

Страна Чернозубых была населена людьми, чьи зубы были черны, как черный лак. Чернозубые питались рисом, но готовили приправу из змей.

У жителей Страны Темноногих ноги и бедра были черными. Они жили на берегу моря, одежду делали из рыбьей кожи и питались буревестниками.

Обитатели Страны Огнедышащих имели черную кожу, походили на обезьян и могли изрыгать огонь.

У жителей Страны Белых Людей все тело было белое, и даже волосы на голове были белыми.

В другой необыкновенной стране жили люди с красными до колен ногами, как будто они были обуты в красные сапоги.

Согласно преданию, один из самых удивительных народов появился после того, как в древние времена брат и сестра стали мужем и женой. Небесный владыка в пылу гнева сослал нарушителей обычаев в отдаленную и безлюдную горную местность, где они, обнявшись, умерли в глубоком ущелье от голода и жажды. Свидетелем трагедии оказалась некая волшебная птица. Увидев, как умерли двое влюбленных, она сжалась над ними: принесла в клюве траву бессмертия и прикрыла их ею. Прошло семь лет, и к усопшим вернулась жизнь, но тела их уже срослись, и когда супруги ожили, то превратились в странного человека с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами. Их дети и внуки были похожи на родителей, и эти странные люди стали родоначальниками народа сросшихся.

Где-то далеко существовала также Страна Людей, Ходивших На Цыпочках. Жители ее отличались высоким ростом и большими ногами. При ходьбе они становились на пальцы и не касались пятками земли. Говорят еще, что ступни у них были выворочены, так что если они шли на юг, то их следы показывали на север. Поэтому их еще называли «люди с пятками навыворот».

Другую страну населяли люди с переплетенными ногами. Жители этой страны были ростом не более четырех чи (т. е. около метра), ноги у них были кривые и переплетенные между собой. Если они ложились, то встать без посторонней помощи уже не могли.

В Стране Длинноруких жили существа с туловищем как у обычных людей, но руки их были необыкновенной длины. Одни говорили, что их руки доставали до земли, другие – что их длина была три чжана (то есть около десяти метров). Длиннорукие обычно ловили на берегу моря рыбу. С такими длинными руками было, конечно, очень удобно заниматься рыболовством. Поэтому можно было часто видеть, как они руками вытаскивали из моря бьющуюся рыбу.

У жителей Страны Длинноногих ноги были необычайной длины – ничуть не короче, чем руки у длинноруких. Рассказывали, будто кто-то видел, что Длинноногие с Длиннорукими на спине ходили в море ловить рыбу.

Одну из дальних стран населяли Люди С Языками Навыворот. По преданию, у них языки росли в обратном направлении – к горлу. Поэтому, когда они разговаривали между собой, другие ничего не понимали.

Поблизости находилась Страна Людей С Зубами-Сверлами, у жителей которой один зуб выдавался изо рта и напоминал сверло. Были они свирепы.

Существовало также племя людей, чьи лица напоминали свиные морды. Это была Страна Свинорылых.

В Стране Одноглазых у жителей был только один глаз посередине лица. Иногда ее несправедливо называли Страной Бесов: настолько жутким казался вид ее обитателей.

Кроме людей с пугающей внешностью, в дальних странах можно было встретить забавные лица. Такова была Страна Длинноухих: у ее жителей были длинные, до плеч, уши. Во время ходьбы они их придерживали руками. Обитатели Страны Людей, Держащих Завязки, тоже все время держали руки у подбородка – чтобы ветер не унес их шапки. О жителях Страны Людей С Запавшими Глазами было известно, что питались они рыбой и в руке постоянно держали рыбу, как бы намереваясь ее съесть.

В Стране Твердогрудых люди имели одну характерную особенность: кости у них на груди выдавались вперед, как кадык у мужчин.

Страну Людей С Дырявой Грудью населяли удивительные люди, у которых в груди было круглое отверстие. По преданию, они извлекли из этой своей особенности выгоду: при передвижении им не нужен был паланкин. Они брали бамбуковый шест, продевали его сквозь отверстие в груди, и два человека вполне могли их нести.

У жителей Страны Одноруких была одна рука, один глаз и одна ноздря. В стране водились желтые, полосатые, как тигры, лошади, у которых тоже был один глаз и одна передняя нога.

Страна Одноногих была знаменита тем, что ее жители умели делать различные хитроумные приспособления для ловли зверей и птиц. Они умели мастерить летающие колесницы. Однажды такая колесница залетела в дальние края и была уничтожена местным правителем. Только спустя десять лет, когда подул попутный ветер, вновь была изготовлена такая же колесница. На ней прилетевшие на первой колеснице жители Страны Одноногих смогли вернуться к себе домой.

У жителей Страны Мягкотелых не было костей, и они имели по одной руке и ноге. Руки и ноги у них были мягкими, как кусок мяса, и гнулись в разные стороны.

Племя трехголовых людей поражало воображение, но гораздо более удивительной была Страна Трехтелых. В этой стране Люди имели одну голову и три туловища.

Нелегко представить себе, каким образом избегали голодной смерти обитатели Страны Безутробных. Они были высокого роста, но в животе у них не было кишок. Съеденная ими

пища не переваривалась, а сразу проскакивала наружу. Жители другой далекой страны, стоя под солнцем, не отбрасывали тени, а когда кто-нибудь из них кричал, ничего не было слышно.

Племя Людей С Падающими Головами отличалось тем, что их головы могли отделяться от туловища и летать, пользуясь ушами, как крыльями. Случилось так, что захваченная на войне женщина из этого племени попала в служанки к одному китайскому полководцу. Каждую ночь, едва она ложилась, голова у нее улетала, выбираясь наружу и возвращаясь к рассвету либо через собачий лаз, либо через дымоход в крыше. Как-то ночью служанку осветили и увидели только тело, без головы. Тело было чуть теплым, а дыхание почти незаметным. Тогда на тело накинута покрывало. С приближением рассвета голова вернулась, но приладиться никак не могла: мешало покрывало. После нескольких попыток голова упала на землю и жалобно зарыдала. А тело задышало часто-часто. Тогда покрывало откинули, голова взлетела, приложилась к шее, и через некоторое время все затихло. Хозяин решил, что это – опасный оборотень, испугался, что не сможет с ним совладать, и вскоре отослал служанку из своего дома. Однако женщина не была оборотнем: летающая голова была ее природным качеством, как у всех ее родичей. В доме у другого военачальника такая же служанка погибла, потому что ее тело, в отсутствие головы, тоже накрыли, но на этот раз медным тазом, вследствие чего голова не сумела занять на рассвете свое место.

Народы, удивительным образом производящие потомство

Некоторые удивительные народы отличались тем, что необычным способом производили на свет потомство. В одной из стран мужчины и женщины жили двумя обособленными группами. Мужчины не брали жен. Женщинам также не нужны были мужья. Потомство появлялось у них чудесным образом. Стоило им лишь посмотреть друг на друга, и у них сразу появлялись дети.

Среди населения Страны Женщин не было ни одного мужчины. Достигшие совершеннолетия девушки отправлялись купаться на Желтый пруд, после чего они зачинали потомство. Если рождался мальчик, то года через три его умерщвляли; оставляли только одних девочек.

В Стране Мужчин не было ни одной женщины. Одежда у них была всегда в порядке, а на поясе висел меч. Они были олицетворением мужской доблести и имели внушительный вид. По преданию, это племя возникло, когда отряд воинов отправился на поиски снадобья бессмертия и в пути у них кончился провиант. Идти дальше они не могли, и им пришлось поселиться среди гор и лесов. Они принялись есть плоды деревьев, из коры стали делать себе одежду. Так возникла Страна Мужчин. Жен у них не было, но каждый из них мог породить из своего тела двух детей. Эти дети при рождении представляли собой тени, а когда они переставали быть бесплотной тенью, мужчины, породившие их, умирали. Говорили также, что эти дети рождались у них из подмышек.

Страну Людей Без Потомства населяли люди, которые вели самый простой образ жизни. Иногда они питались одним воздухом, иногда мелкой рыбешкой, которую ловили в реках, иногда употребляли в пищу землю и глину. Они не разделялись на мужчин и женщин. После смерти их тела закапывали в землю, но сердце у них продолжало биться. Через сто двадцать лет они оживали и выходили наружу, чтобы снова наслаждаться радостями жизни. За жизнью у них следовала смерть, за смертью – жизнь, а сама смерть была долгим сном.

В одной из самых необычных стран на Серебряной горе росло дерево-женщина. Как только небо начинало светлеть, на ветвях дерева появлялись маленькие голые дети. После восхода солнца эти дети спускались на землю, начинали бегать и резвиться. После того, как солнце заходило за гору, дети скрывались под землей и больше не появлялись, а на следующий день на ветвях дерева рождались новые дети. В другой стране на прибрежных скалах росли деревья с зелеными ветвями и красными листьями. На таком дереве рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, наподобие перевернутых луковиц. Увидев людей, они начинали смеяться и болтать руками и ногами. Стоило только их снять с дерева, как они сразу же умирали.

В Стране Крылатых обитали люди с вытянутыми головами, красными глазами и птичьим клювом. Волосы у них были белые, а за спиной росли крылья, и они могли летать, правда, совсем недалеко. Они, как птенцы, вылуплялись из яиц. В их стране водились красивые птицы, похожие на фениксов, с длинными яркими перьями. Крылатые питались яйцами этих птиц и потому сами походили на небожителей. Вблизи Страны Крылатых находилась Страна Яйцекладущих. Жители этой страны не имели крыльев, но тоже рождались из яиц и сами несли яйца. У жителей другой страны были клювы и крылья, и они выглядели почти так же, как и крылатые. Но они не могли летать, и крылья служили им лишь опорой, словно костыли. Опираясь на крылья, они бродили группами по морскому побережью, вылавливая из моря клювами рыб и креветок. Еще одну страну населяли люди, у которых под мышками росли небольшие крылья, но летать они тоже не могли.

Рассказывают также, что на высоких горах в юго-западной части области Шу живут существа, сходные с обезьянами, ростом в семь чи (более двух метров). Они могут делать все то же, что и люди, а ходят (из-за своего, надо полагать, большого роста) очень быстро. Называ-

ются они Цзяго, или Махуа, или еще Цзююань. Эти существа подкарауливают проходящих женщин покрасивее, нападают на них и уводят, а куда – никто не знает. Если женщина идет не одна, существа утаскивают ее длинной веревкой, так что спастись от них очень трудно. Эти существа различают мужчин и женщин по запаху, поэтому берут только женщин, а мужчин не трогают. Поймав человеческих дочерей, эти существа составляют с ними семью. Тем из женщин, которые остаются бездетными, до конца жизни не разрешают вернуться. По прошествии десяти лет эти женщины по облику совершенно уподобляются им, разум их помутняется, и они сами уже не хотят возвращаться. Если же женщина родит сына, то ее тут же вместе с младенцем отсылают домой. Рожденные этими женщинами сыновья почти совсем не отличимы от людей по внешности. Согласно поверью, если мать такого ребенка не станет кормить его, то она вскоре погибнет. Поэтому ни одна из них не отказывается кормить дитя. Вырастая, дети уже и вовсе ничем от людей не отличаются¹⁰.

¹⁰ В легенде даже добавляется, что все отпрыски лесных существ получают фамилию Ян. Этим-де и объясняется то, почему на юго-западе Шу так много Янов, т. е. все они – потомки тех, кто происходит от Цзяго, или Махуа.

Страны, населенные людьми необычного роста

Далеко за морем находилась Страна Пигмеев. Самые высокие люди там были ростом три чи (не больше метра), а самые маленькие – всего лишь несколько цуней (не больше десяти сантиметров). Возделывая поля, карлики очень боялись, что их схватят свирепые белые журавли. Но, к счастью, в соседней стране жили здоровенные детины десяти чжанов ростом (то есть около тридцати метров), и они помогали карликам прогонять журавлей.

В Стране Лебедей жили карлики, чей рост не превышал семи цуней (около двадцати сантиметров). Эти малыши были очень вежливыми: завидят человека – и отвешивают низкий поклон. Они двигались со скоростью ветра и за день могли пройти тысячу ли (примерно пятьсот километров). Карлики очень боялись морских лебедей, так как эти птицы проглатывали их живьем, но они продолжали жить в животах лебедей.

Если были страны, населенные крошечными людьми, то были, разумеется, и страны, населенные великанами. Про этих огромных людей рассказывали много занимательных историй.

Племя великанов куафу жило в большой пустыне на севере. Люди этого племени были огромного роста и обладали величайшей силой, но были они добры и миролюбивы. Жил среди них один великан, который совершил безрассудное, но впечатляющее деяние. Этот смельчак однажды загорелся великим желанием догнать солнце и посостязаться с ним в беге. Великан помчался по равнине огромными шагами, подобно ветру, вдогонку за уходящим на запад солнцем. В конце концов он настиг светило в долине Юйгу – на самом краю света, где солнце завершает свой дневной путь. Огненно-красный шар был перед ним. Великан оказался в его лучах, радостно расправил богатырские плечи, намереваясь схватить солнце. Но он целый день бежал и сильно устал, да и солнце жгло его так, что небывалая тяжесть сковала все тело великана, и во рту у него пересохло. Лег он тогда на землю и стал пить воду из рек Хуанхэ и Вэйшуй – в один миг пересохли обе реки, а великана все еще терзала жажда. Побежал он на север, чтобы испить воды Великого озера – Дацзэ. Но силы уже оставили его, и великан умер на полпути. Словно гора, упал он на землю, и грохот от его падения разнесся по равнине, потряс горы и реки. Перед смертью он бросил палку, которую держал в руке, и она тотчас превратилась в густую зеленую рошу персиковых деревьев с сочными плодами, которыми смогли бы утолять жажду те, кто вслед за ним пустился бы догонять солнце.

Не меньшей настойчивостью и упорством в достижении поставленной цели отличался соплеменник великана, гнавшегося за солнцем. В Северных горах жил девяностолетний великан, которого люди называли Юй-гун – Глупый дед. Прямо напротив его дома стояли две большие горы, и ему было очень неудобно каждый раз обходить их. Он позвал всех своих домашних – и взрослых, и юных – и стал держать совет. Старик предложил родичам перенести надоевшие горы в другое место, чтобы они не закрывали дорогу. Сыновья и внуки поддержали Юй-гуна. Только Сяньи, жена старика, была рассудительнее. Услышала она, что муж собирается передвинуть горы, и попыталась его образумить, говоря: «Ну ладно, допустим, ты сдвинешь их, а куда же ты денешь столько камней и глины?» Но глупые внуки Юй-гуна сказали: «Отнесем к заливу Бохай, разве это не выход?» К работе приступили безотлагательно. Взрослые и юные великаны копали землю, таскали в корзинах глину, а собранные комья глины и камни перетаскивали к заливу Бохай, куда приходилось добираться больше полугода. Один из соплеменников Юй-гуна, мудрый старец Чжи-соу, отправился к Глупому деду, чтоб урезонить его: «Утихомирься, старый, в твои-то годы что ты можешь сделать с этими горами?» Но Юй-гун уверенно возразил: «Разве ты не понимаешь, что умру я, – так ведь есть сыновья, умрут сыновья – останутся внуки, у внуков родятся дети. Если мы из поколения в поколение будем трудиться, так чего уж бояться, что не сровняем гору!» Ничего не ответил Мудрый старец, потому

что не нашел слов, чтобы возразить ему. Но слова Глупого деда случайно услышал некий небесный дух. Испугавшись, что действительно так и будет и от обеих гор ничего не останется, он поспешил доложить об этом Небесному владыке. Но Небесного правителя тронула решимость Юй-гуна, и он послал на помощь старику двух невероятно могучих великанов, которые смогли взвалить на плечи эти горы и перенести одну из них на север а другую – на юг.

Похоже, великаны вообще отличались силой духа. Но, пожалуй, всех превзошел в этом отношении великан Синтянь, который дерзнул бороться с самим Верховным небесным владыкой Хуан-ди за власть над миром. Хуан-ди отрубил мятежнику голову и закопал ее у подножия горы. Тогда обезглавленный великан сделал из своих сосцов глаза, из пупка – рот, взял в руки щит и копье и стал исполнять воинственный танец.

Фантастические существа – полулюди-полузвери

Среди фантастических существ, населявших древний мир, встречались полулюди-полузвери.

В стране Сяоян жили дикари. Ростом они были больше чжана (около трех метров), и называли их глупыми великанами. У них было человеческое лицо, а черное, словно лак, тело, сплошь покрывали длинные волосы. Ноги у дикарей сгибались в обратную сторону, и они бегали быстро, как ветер. Нрава эти существа были жестокого: они ловили и ели людей. Глупые великаны страны Сяоян подстерегали в горах одиноких путников, раскрывали свою пасть, выворачивая до лба огромные губы, и начинали хохотать. Насмеявшись вдоволь, дикари пожирали свою добычу. Однако люди придумали способ, как уберечься от них. Надо было надеть на руки полые бамбуковые стволы, за которые ухватится глупый людоед. Дождавшись, когда чудовище начнет смеяться, следовало выхватить из ствола кинжал и пригвоздить им кроваво-красную губу великана ко лбу. После этого не составляло труда даже захватить чудовище живьем: ведь теперь у него глаза и нос были закрыты губой, и чудовище, ничего не понимая, продолжало сидеть, держа в лапах бамбуковые трубки.

В окрестностях страны Сяоян водились замечательные животные синсин, с песьим туловищем и человеческим лицом. Глаза у них были очень строгими. Эти звери, в отличие от великанов-людоедов, были очень умны, могли разговаривать по-человечески и даже окликать проходивших мимо людей по именам и фамилиям, хотя обычно при виде людей они скрывались. Но даже такое умное и пугливое существо можно было обмануть и изловить. Чтобы поймать синсин, люди в глухих горах ставили несколько кувшинов с вином, возле них оставляли несколько чашек, черпаков и деревянные сандалии, а сами прятались и следили за тем, что произойдет дальше. Синсин, увидев расставленные вещи, догадывались, что люди поставили какие-то ловушки, и начинали всячески бранить людей, перебирая всех их родственников до восьмого колена. Они ругались так долго, что у них пересыхало горло. Синсин боялись попасть в ловушку, но жажда оказывалась сильнее страха. Животные решались чуть-чуть попробовать напиток, чтобы убедиться, не таится ли в вине что-нибудь опасное. Самые смелые из них подходили поближе к кувшинам, вытягивали руку и обмакивали палец. Потом в ход шли черпаки, а затем и чашки. Синсин постепенно теряли осторожность, поднимали шум и крик, пили вина столько, сколько могли. Опустошив до дна все кувшины, они обнаруживали на земле деревянные сандалии. Все наперебой кидались надевать их, разыгрывая из себя людей. Не пройдя и нескольких шагов, опьяневшие синсин спотыкались и падали на землю. Спрятавшиеся вблизи люди выбегали и крепко связывали их веревками.

Полузвери-полулюди водились и во многих других местах. В стране Динлин жили богатые с человеческими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью. На бегу они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по степи быстрее ветра с криками «га, га, га!», как дикие гуси в осеннем небе.

У жителей страны Хужэнь лица были человеческие, а туловища рыбы. Они имели только руки и не имели ног, а нижняя часть туловища напоминала рыбий хвост. Они могли передвигаться на облаках, управлять дождем, легко подниматься на небо и спускаться с него на землю. Это были потомки солнечного божества Янь-ди, и жили они бесконечно долго, а возможно, были бессмертными.

В южных областях Древнего Китая можно было встретить горных сяо. Эти подобные людям существа с одной-единственной ногой, вывернутой в обратную сторону, вили себе гнезда на больших дуплистых деревьях, причем ставили также деревянные ширмы для защиты от ветра и закрепляли занавески. Путешественники, отправлявшиеся в те края, где обитали горные сяо, старались брать с собой в дорогу какие-нибудь подарки для них. Однажды некий

путник, опасаясь встретиться с тигром, забрался на дерево, чтобы провести там ночь, и столкнулся с самкой горного сяо. Он спустился с дерева, поклонился несколько раз и почтительно назвал самку «горной женой». Когда же она спросила его, что он несет с собой, он подарил ей румяна и пудру. Обрадованная сяо велела путнику, ничего не опасаясь, устраиваться на ночлег. Тот заснул прямо под деревом. Ночью появились два свирепых тигра, но горная сяо спустилась с дерева и, шлепнув хищников по головам, приказала им убираться восвояси и не тревожить ее гостя. Тигры ушли. Наутро, прощаясь с путешественником, она горячо поблагодарила его за подарки.

Так называемые Живущие На Деревьях (похожее на горных сяо, племя полулюдей-полуживотных) раскалывали деревья на доски и складывали их, привязывая к деревьям. Хотя эти существа и не общались с людьми, но торговали с ними. В старину люди, ходившие к ним за досками, складывали у подножия деревьев предметы примерно равной ценности. Живущие На Деревьях забирали эти предметы и, если они им нравились, приносили доски безо всякого обмана или несправедливости. Однако участники подобного обмена никогда не сталкивались лицом к лицу.

Мифы и легенды о драконах

Из всех мифических существ наибольшей популярностью (даже благоговением) у китайского народа пользовались драконы.

Начертание иероглифа «лун» (дракон), представляющее собой пиктограмму, изображающую животное с длинным телом и головой, увенчанной рогами (или гребнем), обнаружено уже в надписях на гадательных костях эпохи Инь (с XIV в. до н. э.). Существуют предположения о том, что прообразом этих пиктограмм была ящерица, а также о связи образа луна (дракона) с крокодилом.

Дракона изображали в самых причудливых формах. Но во всех случаях облик чудовища был величественным, суровым и воинственным.

Вот одно из описаний. «Глаза дракона похожи на кроличьи, а уши – на коровьи; над его пастью растут длинные усы; туловище походит на тело змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы имеют орлиные когти».

Иногда дракона изображали также в виде большой змеи или животного, напоминавшего одновременно и тигра и лошадь.

Дракона изображали в облаках и в тумане или в бушующих волнах, чтобы создать представление о необычайной силе и способности вызывать ветер и волны. Дракон взмывал в небо и парил в облаках, скалил клыки и выпускал когти. Дракон обладал способностью к перевоплощению, он мог бегать, плавать, летать.

Дракон служил геральдической эмблемой на знаменах знатных родов. В средневековом Китае дракон был символом императора, его изображали на троне, на халате государя. Высшие сановники и придворные носили халаты с изображением дракона с четырьмя когтями, и лишь за особые заслуги кому-либо из сановников жаловалось право носить халат с пятикоготным драконом – как на халате императора.

Кульτ драконов был связан прежде всего с водой. Драконы, олицетворявшие собой дождевые облака, которые приносили необходимые для посевов дожди, представлялись китайцам благостными богами, дарующими «сладкий», «хлебный» дождь. Благостными богами они выступали и в качестве олицетворения рек, озер и водоемов, воды которых использовались для орошения (искусственного и естественного). Драконы-божества дождя могли быть в то же время виновниками обильных дождей, вредных для посевов. В таких случаях они оборачивались к людям своей «темной», «злой» стороной. Но особенно страшны были драконы-божества рек. Это они, по представлениям древних китайцев, были виновниками страшных разливов, которыми, так «славятся» китайские реки, разливов, сметающих на своем пути сотни селений, несущих гибель посевам и тысячам людей.

Отсюда и происходят представления людей о злобности и кровожадности драконов. Страхом перед божествами рек объясняются жертвы повелителям этой страшной стихии и, в частности, длительное сохранение обычая принесения им человеческих жертв. Невероятная и необъяснимая сила драконов способствовала необыкновенной популярности этих существ в мифических сказаниях. В более позднее время в фольклоре появляются мотивы обуздания драконов-богов рек, единоборства героев-борцов с наводнениями и потопами.

Существует много преданий о царе драконов – лунване. Согласно одной из легенд, однажды в море заболел царь драконов. Среди обитателей водного царства не нашлось лекаря, который мог бы его вылечить, и лунвану не оставалось ничего другого, как принять облик старика и отправиться к людям. У многих врачей побывал владыка моря, но ни один не мог определить, что у него за болезнь. Наконец он попал к знаменитому целителю, который, пощупав пульс пациента, очень удивился, обнаружив, что сердце бьется совсем не так, как у обычных людей.

Врач сказал об этом старику. И тот был вынужден открыть, что он царь драконов. Врач заявил, что определить и вылечить болезнь он сможет лишь в том случае, если старик снова превратится в дракона. Хотя обычно драконы людям не показываются, на этот раз владыка вод, чтобы исцелиться от недуга, согласился выполнить требование целителя. В условленный день врач пришел на берег моря, и дракон появился над волнами. Лекарь осмотрел его и обнаружил, что за чешую дракона на пояснице заползла сколопендра, которая и причиняла ему сильную боль.

Удалив сколопендру, врач смазал поврежденную чешую мазью, и боль прошла. В знак благодарности за исцеление царь драконов обещал целителю ниспосылать людям по их просьбе хорошую погоду, благодатные дожди и полное благополучие. С тех пор каждый год в День исцеления по всему Китаю исполнялся танец дракона.

По традиционным представлениям, дракон символизирует счастье. Засуха и наводнение приносили китайскому народу разорение, нищету, голод. Кто мог помочь в борьбе со стихийными бедствиями? Конечно же, царь драконов. Если какой-нибудь район подвергался засухе или наводнению, местные жители исполняли ритуальный танец дракона, умоляя владыку моря ниспослать дождь. Продолжительная засуха рассматривалась как отказ дракона послать дождь. Тогда перед изображением дракона устраивались молебствия. Если же и после этого поля оставались сухими, то исполнялся обряд «бичевания дракона»: по сделанному из глины или из другого материала изображению дракона наносили удары плетью или бамбуковой палкой, требуя ниспослать дождь.

Культ лунвана был чрезвычайно распространен в старом Китае. Храмы, посвященные ему, строились в городах, деревнях, близ рек, озер, переправ и колодцев. Его заступничества просили моряки, рыбаки, земледельцы, а также водоносы, которые считали, что подземные источники в колодцах управляются лунваном и соединяются под землей с морем. Во время засухи статую лунвана выносили из храма и ставили на солнцепеке, и во время наводнения ее носили по окрестностям, чтобы показать лунвану размеры бедствия и усювестить его. Если это не помогало, то статую топили в воде.

И наконец, говоря о драконах, нельзя не вспомнить о духе Чжулуне – Драконе со свечой с горы Чжуншань, который, согласно одному из вариантов мифа о создании, был творцом вселенной. Рассказ о нем записан в древней «Книге гор и морей». Этот дух с лицом человека, телом змеи и кожей красного цвета был ростом в тысячу ли. У него были глаза, напоминавшие два оливковых дерева. Когда он закрывал их, то они превращались в две прямые вертикальные щели. Стоило ему открыть их, как в мире наступал день, а когда он закрывал их, на землю спускалась ночь. Стоило ему подуть, как появлялась пелена облаков, падал хлопьями обильный снег и наступала зима. Стоило дыхнуть жаром – и тотчас наступало лето, а солнце начинало палить так, что плавилась металлы и камни. Дракон лежал свернувшись, подобно змее. У него не было потребности ни в еде, ни в питье, ни в сне, ни в дыхании. Но стоило ему вдохнуть, – как поднимался ветер на добрых десять тысяч ли в округе. Светом свечи, которую Чжунун держал во рту, он мог освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие недра земли, где царил вечный мрак. А так как он всегда держал во рту свечу и освещал мрак в небесных воротах на севере, то его еще называли Чжуинь, т. е. «Освещающий мрак»¹¹.

¹¹ В облике Чжулуна многое напоминает первотворца. Тем не менее, сохранив явные черты живого существа, он все-таки не смог с течением времени приобрести человеческих черт и окончательно превратиться в космическое божество-творца вселенной. Несмотря на свои удивительную внешность и необычайную силу, он остался в глазах людей лишь духом одной из гор.

Феникс

Примерно так же, как драконы выделялись среди зверей, среди птиц выделялись фениксы¹² (этим словом европейцы привыкли заменять китайское название «фэнхуан»). Согласно одному из описаний, «спереди феникс напоминает лебедя, со спины он похож на единорога цилиня. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, горло ласточки, петушиный клюв». На бронзовых сосудах с рельефами фэнхуан изображалась с пышным хвостом, огромными глазами и гребнем в виде трезубца. Фэнхуан принадлежала к типу царских животных: она считалась символом императора, но чаще императрицы. Что касается происхождения этого сказочного образа, то наиболее достоверной представляется версия, согласно которой первоначально это были павлины, которые водились в Китае в незапамятные времена, до изменения климата, вместе со слонами и носорогами.

Среди четырех священных животных, издревле особо почитавшихся китайцами, наряду с драконом и фениксом, были единорог-цилин и черепаха.

Единорог-цилин, как полагали китайцы, являлся людям лишь раз в несколько столетий. Он символизировал мир и процветание и обычно возвещал о рождении великого мудреца (существует легенда, что он появился незадолго до рождения Конфуция). Поэтому почитание цилиня было связано с надеждами на рождение мудрых и добродетельных людей, а традиция обычно изображала его на картинах несущим младенца¹³.

«Великая черепаха» – единственное реальное животное рядом с тремя остальными священными существами. Она была наиболее почитаемой еще со времени эпохи Инь, когда панцири считались надежным материалом для гадания, т. е. для общения со сверхъестественным миром. Позже черепаха стала символом долголетия, силы и выносливости. Каменные изваяния черепахи служили излюбленным фундаментом для стел (быть может, не без влияния индийских легенд о черепахах, на которых стояли слоны, державшие на своих плечах мир). Такие же каменные изваяния стали затем сооружаться и на берегах рек – черепаха почиталась в качестве духа-покровителя речных дамб. Кроме того, считалось, будто самка черепахи обладает сверхъестественными способностями и может производить на свет детенышей без участия самца¹⁴.

¹² Чудесная птица феникс, почитавшаяся уже в древности, появлялась, по преданию, только в период добродетельного правления и была своего рода эмблемой добродетели, верности. Считалось, что самец и самка («фэн» и «хуан» – отсюда китайское наименование феникса – «фэнхуан») очень нежно привязаны друг к другу, поэтому птица стала со временем символом супружеской любви и верности.

¹³ В облике и функциях единорога-цилина прослеживаются явные эротико-фаллические черты, что отражает глубокую архаичность этого образа, восходящего, по-видимому, к тотемистическим представлениям о мужском божестве-прародителе. Об этом говорит и то, что изображение цилиня, несущего на спине младенца мужского пола, молодые супруги нередко вешали в своей комнате.

¹⁴ Эта «способность» вызвала к жизни легенду, казалось бы, прямо противоположную по смыслу: черепахе стали приписывать похотливость, способность превращаться в женщину и соблазнять мужчин. В результате выражение «сын черепахи» стало восприниматься как оскорбление («бастард»), а изображение черепахи на стенах или дверях дома было в Китае эквивалентом мазания ворот дегтем в старой России.

Другие удивительные животные

Объектами благоговейного почитания в Китае, подчас даже культа, были и другие животные, причем насчитывалось их довольно много. Вот наиболее популярные.

Пожалуй, первое место среди них всегда занимал тигр¹⁵, в представлении китайцев – царь зверей. Тигр почитался в первую очередь как гроза демонов: почти все великие маги-урашители демонов изображались сидящими на тигре. На лбу тигра часто изображали иероглиф «ван» (царь). Кроме того, тигр считался грозой демонов болезней, а, следовательно, в какой-то мере покровителем здоровья. Его клыки и когти, изящно обрамленные в серебро, служили ценными амулетами; истолченные в порошок кости тигра добавляли в воду или в чай в качестве лекарства от лихорадки и других болезней. Даже просто вышитые на детских туфельках морды тигра, по поверьям китайцев, могли спасти малыша от напастей.

Подобно тигру, грозой вредителей и демонов в Китае с древности почитался кот. Поскольку главным вредителем шелководства считались крысы, кот рассматривался в качестве покровителя шелководства. В ряде местностей духу kota даже приносили жертвы в специально построенных для этого кумирнях. Потеря домашнего кота воспринималась как признак несчастья. Однако появление в доме чужого кота тоже было предвестием беды – полагали, что кот предвидит обилие крыс и мышей в доме, а это, в свою очередь, явный признак обнищания и бедности хозяйства. Кроме того, считалось, что кот, как и тигр, обладает магической силой: его способность видеть в темноте рассматривалась как доказательство умения общаться с демонами. Сохранились даже легенды о том, что после смерти можно превратиться (переродиться) в kota, чтобы отомстить своим преследователям и врагам.

Важным объектом ритуального почитания в Китае был и петух. Во-первых, он рассматривался как символ солнца, глашатай прихода божества дня, во-вторых, как защитник от огня и пожара. Изображение красного петуха, обычно на высоком шесте, воздвигалось каждый Новый год у дверей дома. Петух, как и тигр с котом, тоже был грозой демонов: живого белого петуха привязывали к крышке гроба в дни погребальных процессий для отпугивания демонов. Подарить петуха или хотя бы леденец в виде петушка было принято в момент брачной церемонии.

Кроме перечисленных выше животных, можно упомянуть об обезьяне¹⁶ и змее (в ее честь иногда воздвигали специальные кумирни, где монахи разводили змей).

Наряду с драконом, тигр, кот, петух, обезьяна и змея стали символами 12-летнего календарного цикла китайцев, где каждому из этих животных отведено по одному году (т. е. год проходит под покровительством этого животного).

¹⁵ Со львом (признанным царем зверей) китайцы познакомились довольно поздно. Его культ льва проник в Китай лишь вместе с буддизмом. В какой-то степени лев в Китае всегда оставался символом буддизма (недаром считалось, что Будда до своего последнего перерождения десяток раз рождался в облике льва и много меньше – в облике других существ). Каменные изваяния пары львов почти всегда стояли у входа в буддийские храмы: они охраняли его и отгоняли злых духов. Примечательно, что императоры последней, маньчжурской по происхождению, династии Цин, отождествлявшие свой этноним (маньчжу) с буддийским Маньчжуши (в буддийско-китайской мифологии Маньчжуши обычно изображался верхом на льве), питали особую склонность ко львам. Тибетские ламы нередко присылали им именно львов в качестве своей символической дани.

¹⁶ Культ обезьяны, вероятнее всего, является результатом индо-буддийских влияний.

Лиса

Но, пожалуй, самое заметное место во всем «зверином» фольклоре занимали лисы. Культ лисы, лисы-демона, лисы-монстра, был необычайно распространен в Китае. Прделкам лис, «лисьим чарам», многочисленным историям о вмешательстве лис в жизнь людей посвящена в Китае целая литература, возглавляемая «лисьим эпосом» Ляо Чжая. Начало культа лисы в Китае уходит в глубокую древность. Поскольку лисьи норы нередко бывали по соседству с могилами, выползающий из-под старых могил лис считался мистическим воплощением души мертвеца. Лисам приписывали искусство перевоплощения: в возрасте 50 лет она может превращаться в женщину¹⁷, в 500 лет – в обольстительную девушку, а в 1000 – становится «небесным лисом», владеющим всеми тайнами природы.

Любая встреча с лисой, как правило, плохо заканчивалась для человека. Попасть в лапы к лисе, поддаться «лисьим чарам» считалось последним делом в глазах каждого китайца, трагившего обычно немало сил и средств, чтобы обзавестись амулетами, призванными обезопасить его от влияния лис. Даже иероглиф лисы нередко избегали писать, заменяя его другим, сходным по звучанию. Страх перед лисой и накликаемыми ею бедами всегда был очень велик¹⁸. На первый взгляд, лиса, этот своеобразный «царь демонов», должна была бы стать в Китае чем-то вроде европейского черта. Однако получилось все совершенно иначе. Лиса, невзирая на все ее злые чары, была объектом ритуального почитания. В ее честь по всей стране воздвигали кумирни, ей приносили немалые жертвы. Конечно, здесь было немало от страха, от желания задобрить злого демона. Кроме того, лиса считалась существом, которому ведомы все тайны природы и которая может поэтому (если к ней отнестись соответствующим образом) вылечить от болезни, избавить от беды, даже поспособствовать обогащению.

¹⁷ В соответствии с поверьями, превращаясь в женщин, лисы соблазняли мужчин, а затем нередко убивали их или приносили им большие беды. Подчас они даже выходили замуж, рожали детей, но и здесь, как правило, дело не кончалось добром.

¹⁸ Лису даже «наградили» соответствующей биографией, суть которой сводилась к тому, что первоначально она была похотливой женщиной, которую еще в древности за грехи обратили в лису.

Чудесные птицы

Бытовали в Китае и представления о других фантастических животных.

Например, встречались предания о чудесных птицах (наряду с фениксом).

Так, чудесные птицы Бииняо («птицы, соединившие крылья») были похожи на дикую утку с красно-зеленым оперением. У каждой птицы было по одному крылу, одной ноге и одному глазу. Они могли летать по небу только парами, а поодиночке могли лишь ковылять по земле на одной лапе мелкими шажками. По некоторым источникам, в каждой паре одна из птиц была зеленая, другая – красная. Из-за своей неразлучности птицы Бииняо считались символом счастливого супружества. Поэты слагали о них стихи.

Появление птицы бифан обычно сопровождалось вспышкой удивительного пламени. Птица бифан походила на журавля, но при этом была зеленая, с красными полосами, белым клювом и одной ногой.

Чудесная птица Чунмин («двойной свет») поселилась во дворце императора Поднебесной в древние времена, когда государством правил легендарный Яо. Дивную птицу, в каждом глазу которой было по два зрачка, подарили Яо жители страны Чжичжи. Чунмин напоминала петуха, но пела как феникс. Когда наступало время линять, она сбрасывала все свое оперение и улетала. Птица Чунмин могла изгонять нечистую силу и прогонять волков, тигров, барсов и шакалов. Питалась она лишь нефритовой пастой. После того как птица поселилась у Яо, она по-прежнему часто улетала к себе на родину и иногда не возвращалась по нескольку лет. Если она не прилетала вовремя, то люди делали ее изображение из дерева или металла и ставили в воротах для того, чтобы отгонять злых духов. Позже изображения Чунмин, в том числе рисунки, стали ставить на окнах в первый день Нового года с такими же целями.

Некоторые, совсем разные животные составляли удивительные пары. Так, рассказывали о птице Ту и мышке Ту, живших на Горе с Норой Птицы и Мыши. Эти птица и мышь вместе выкопали в горе нору глубиной около четырех чи (т. е. несколько глубже метра), и жили там вдвоем в полном согласии, как любящие супруги. Птица выходила наружу добывать пищу, а мышь в нору занималась домашним хозяйством.

Совсем иную пару составляли разноцветный феникс и черная змея, жившие на двух разных горах, находившихся по соседству. Феникс все время наблюдал за змеей и не позволял ей совершать злых дел.

Странные существа

Сохранилось множество рассказов о странных живых существах, внешний вид которых поражал своей неестественностью. Это были, например, черные пчелы и красные мотыльки, размерами превосходившие слона, и летающий заяц с мышиной головой, крыльями которому служила шерсть на спине. Не менее странно выглядела похожая на фазана птица, у которой росли усы по обе стороны головы, заменявшие ей крылья. Говорили, что мясо этой птицы исцеляло глазные болезни. А еще существовала одноглазая четырехкрылая птица с собачьим хвостом. Согласно преданию, тот, кто съедал ее, навсегда излечивался от болей в животе.

Многие странные животные были отнюдь не безобидны. Например, птица, подобная пчеле, но величиной с утку, несла смерть зверям и пернатым; стоило ей клюнуть дерево, и оно засыхало. Чудовищами-людоедами были зеленый зверь, напоминавший собаку, и крылатый тигр, чье тело покрывали иглы, как у ежа. Появление полосатого, как тигр, быка сопровождалось сильнейшим наводнением. Бык с белой головой, одним глазом и змеиным хвостом, на пути которого пересыхали реки и увядала трава, предвещал мор повсюду в Поднебесной. А когда на землю какого-либо царства опускалась пятицветная птица с человеческим лицом и длинными волосами, то это царство погибало. Как только в небе появлялась змея, называемая фэйи, с шестью ногами и четырьмя крыльями, на земле тотчас начиналась страшная засуха. Появлялась и другая птица, похожая на змею, с четырьмя крыльями, шестью глазами и тремя ногами; куда бы она ни прилетала, там обязательно начиналось общее смятение.

Мифические существа – неиссякаемый источник пищи

Особую группу мифических существ составляли животные, служившие для людей неиссякаемым источником пищи. Чаще других упоминается волшебное животное Шижоу. Это было живое существо, совершенно лишенное костей и конечностей, представлявшее собой только ком мяса, но с парой маленьких глаз. Согласно преданию, его мясо нельзя было съесть без остатка: съешь кусок, а на этом месте вырастает такой же, и шижоу вновь обретает прежнюю форму. Рассказывали также о корове, от которой отрезали большой кусок мяса, а через день оно снова нарастало на прежнем месте. Ее тело было черного цвета, рога тонкие и длинные – более четырех чи (то есть почти полтора метра). По меньшей мере, через каждые десять дней нужно было срезать у нее часть мяса, иначе она могла погибнуть. А еще сохранилось предание об овцах с необычайно толстым и жирным хвостом, который весил около десяти цзиней (пять килограммов), люди отрезали этот хвост и готовили из него пищу. Через некоторое время у этих овец вновь вырастал такой же хвост.

Фантастические морские обитатели

Встречались фантастические существа и среди обитателей моря.

Однажды некий купец отправился на судне в море по своим торговым делам. Далеко в открытом море он увидел маленький островок, поросший изумрудно-зелеными деревьями. Купец велел морякам пристать к острову. Все выпрыгнули на берег и привязали судно. Затем нарубили веток и разожгли костер, чтобы сварить еду. Но вода еще не успела закипеть, как они почувствовали, что островок задвигался и деревья стали погружаться в воду. Перепуганные люди в смятении бросились к судну, перерубили канат и, спасая свою жизнь, поплыли прочь от тонущего островка. Оказалось, что это был вовсе не остров, а огромный краб, которому огонь костра опалил панцирь.

Рассказывали также, что в южных морях жили люди-рыбы. И хотя они обитали в море, но занимались обычным человеческим трудом. В тихую ночь, когда море спокойно и нет волн, на берегу был слышен исходящий из глубины моря шум ткацких станков. Когда люди-рыбы плакали, каждая их слезинка превращалась в жемчужину.

Люди-рыбы были очень похожи на обычных людей, причем все они – и мужчины и женщины – отличались необычайной красотой. Их тонкая белая кожа напоминала нефрит, а их волосы, похожие на конские хвосты, достигали пяти-шести чи (более полутора метров) в длину. Когда у прибрежных жителей умирала жена или муж, они ловили человека-рыбу, поселяли в маленьком пруду и нарекали ее своей женой или мужем.

V

Чудесные растения

Чудесные деревья

Объектами культа и ритуального почитания в Китае были и многие растения. Особенно это относилось к старым могучим деревьям: их никогда не срубали и даже приносили жертвы в честь обитавших в них духов. В некоторых местностях считалось, что из столетних деревьев, если их срубить, может потечь кровь. Из крупных деревьев наиболее почитаемой была сосна, символ долголетия и бессмертия. Из плодовых – слива (ее ветвям приписывалось свойство изгонять злых духов), гранат (его плод с множеством зерен всегда символизировал возможность получения обильного потомства), каштан (был также символом многодетности). И все же первое место среди всех деревьев принадлежало персиковому дереву и его плоду, легендарному персику бессмертия. В представлениях китайцев чудодейственными свойствами наделялось и само дерево, и его ветки, и цветы, и уж тем более плоды. Все это использовалось для изгнания демонов, лечения болезней, а также в качестве амулетов. Почитание персика и персикового дерева в более поздние времена усилилось легендами о Сиванму и ее садах с персиками бессмертия¹⁹, якобы созревавшими раз в три тысячи лет. Впоследствии персик стал одним из главных символов бессмертия: нередко на картинах божество бессмертия и долголетия предстает как бы рождающимся из персика. Нежный персиковый цвет является символом женщины, невесты: весной в дни свадеб невестам обязательно дарили ветки с цветком персика.

Почитали в Китае и многие другие растения²⁰ за те блага, которые они приносили человеку. Среди них были не только растения, существующие в действительности, но и фантастические, дарящие людям, которые отведали их плодов, различные свойства и качества.

¹⁹ Об этом повествуют даосские легенды.

²⁰ Среди таких растений можно назвать тысячелистник, по стеблям которого гадали еще в эпоху Чжоу, лотос, который стал священным цветком после проникновения в страну буддизма (на нем, по преданию, восседали Будда и Гуань-инь, кроме того, лотос использовался для перемещения душ умерших буддистов в рай). После появления в Китае культуры чая в ряде районов страны воздвигли кумирни в честь божества чая. Несмотря на все многообразие мотивов почитания растений и животных, среди них имеется один общий: большинство животных и растений почиталось за то, что они могли противостоять демонам зла.

Чудесные плоды

Такие деревья приносили плоды своеобразной формы и цвета и произрастали в различных местностях. Рассказывали о деревьях, у которых было по пять ветвей, раскинувшихся на разные стороны наподобие расходящихся дорог; их листья напоминали листья тополя, цвели эти деревья желтыми цветами и приносили черные плоды. По преданию, стоило съесть сваренный из их листьев и плодов суп, как человек становился спокойным, и его трудно было рассердить. Деревья, напоминающие дикие груши, с круглыми листьями, приносили красноватые плоды, похожие на древесную тыкву-папайю. Тот, кто съедал этот плод, приобретал необыкновенную силу – мог вырывать деревья и сокрушать горы. Другое дерево, также похожее на дикую грушу, приносило плоды вроде сливы без косточек, съев которые человек получал способность не тонуть. Подобными свойствами обладали не только деревья, но и травы. Их было очень много, но, пожалуй, самая интересная из них – трава с красными стеблями и белыми цветами, с листьями как у подсолнечника и плодами, напоминавшими дикий виноград. Глупые, отведав этой травы, становились умными.

Среди мифических растений совершенно особое место принадлежит дереву под названием Цзяньму²¹. Оно росло на равнине Дугуан, где, считалось, находился центр неба и земли. Невообразимо высокий ствол дерева Цзяньму в глубочайшей древности служил небесной лестницей: духи разных мест поднимались по нему на небо и спускались на землю. Цзяньму не отбрасывало тени и не давало эха. Даже в полдень, когда солнце освещало его вершину, от дерева не было никакой тени. Самые громкие звуки терялись в пустоте, и эхо не повторяло их. Дерево Цзяньму имело тонкий длинный ствол, который врезался прямо в облака, на нем не было ветвей и только на верхушке имелось несколько изогнутых и кривых веток наподобие каркаса зонта; корни дерева были тоже изогнутыми и переплетались между собой. Кора его отличалась чрезвычайной прочностью и эластичностью.

Вокруг дерева Цзяньму на равнине Дугуан было нечто подобное райскому саду. Там круглый год росли рис, просо, бобы, пшеница, зерна которых были белые и гладкие, будто лоснящиеся от жира. Там пели и танцевали волшебные птицы, туда приходили самые разные животные. Деревья и травы зеленели в Дугуане зимой и летом.

Вдалеке от райского сада, в Зыбучих песках, рос удивительный каменный лотос, крепкий и легкий, на нем было сто листков, а раз в тысячу лет распускался только один цветок. Листья его были зелеными, и, когда они раскачивались на ветру и заслоняли склоны Зыбучих песков, растение было необычайно красиво.

²¹ Рассказ о дереве Цзяньму вполне соответствует мифу о мировом древе, обычному для большинства архаичных культур: функция соединения миров, расположение в центре мира, охранительная, равновесная природа мирового древа (райский сад вокруг него).

Деревья с драгоценными камнями вместо плодов

Среди удивительных растений, о которых рассказывают древнекитайские легенды, выделялись деревья, плодами которых были драгоценные камни. Они росли на горе Куньлунь, там, где находилась резиденция повелителя всех божеств, духов и людей – Верховного владыки Хуан-ди. Там росли бирюзовое, яшмовое, жемчужное и черное нефритовое деревья. На них зрели жемчуг и красивая яшма, а на дереве узорного нефрита рос разноцветный пятнистый нефрит.

Неподалеку от Куньлуня на горе Мишань находились залежи мягкого белого нефрита. Мягкая белая и блестящая паста была фонтанчиком; ею ежедневно питался Хуан-ди. Остатками пасты поливали даньму – киноарное дерево, и раз в пять лет на нем распускались благоухающие цветы всевозможных расцветок, а затем созревали ароматные плоды, приятные на вкус. Хуан-ди перенес нефриты с горы Мишань и посадил их на солнечном склоне горы Чжуншань, и там выросло множество сверкающих всеми цветами радуги прекрасных нефритов. Духи и бесы, земные и небесные, стали лакомиться ими. Когда людям удавалось добыть кусочек нефрита, они вырезали из него украшения и носили их на поясе, так как считалось, что такие талисманы защищали от нечистой силы.

На дереве Лангань рос самый прекрасный драгоценный камень, подобный нефриту и жемчугу. Хуан-ди послал трехглавого духа Личжу охранять его. Личжу поселился на дереве фучан, которое росло рядом с деревом Лангань, и днем и ночью зорко следил за малейшим движением около дерева. Личжу лежал на дереве, а три его головы по очереди засыпали и просыпались. Глаза его, излучавшие яркий свет, прекрасно видели даже в темное осеннее время. Хуан-ди любил путешествовать по Куньлуню. Однажды, возвращаясь из такого путешествия, он по неосторожности уронил свою самую любимую черную жемчужину²² поблизости от Красной реки. Огорченный потерей, Хуан-ди послал на поиски драгоценности одного из самых умных небесных духов по имени Чжи. Тот вернулся с пустыми руками. Тогда Хуан-ди послал духа Личжу, что лежал на дереве фучан и стерег нефритовое дерево Лангань. Но и тот не нашел жемчужины, хоть и было у него три головы и шесть глаз, излучавших удивительный свет. Посланному затем на поиски самому сильному из небесных духов Чигоу негде было применить свою силу в столь тонком деле. Безуспешно обыскав окрестности и потеряв надежду, Чигоу вернулся ни с чем. В конце концов, Хуан-ди послал духа Сянва, известного в небесном царстве своей беспечностью и рассеянностью. Сянва полетел к Красной реке, бросил рассеянный взгляд на ее берега и сразу же заметил, что черная сверкающая жемчужина преспокойно лежит в густой траве. Сянва подобрал ее, прилетел к Хуан-ди и вернул ему драгоценность. Приятно удивленный, Хуан-ди поручил беречь свое сокровище удачливому Сянва, и тот, взяв жемчужину, беспечно бросил ее в свой широкий рукав. Об этом узнала одна хитрая девица и выкрала жемчужину. Разгневанный Хуан-ди провел расследование и послал небесных духов схватить воровку. Девушка, испугавшись наказания, проглотила жемчужину, прыгнула в реку и превратилась в чудище с телом дракона и лошадиной головой и стала речным духом.

²² Рассказ о потерянной жемчужине, судя по всему, имеет своими корнями даосскую притчу, т. е. является более поздним, чем архаические мифологические сюжеты. Для даосских притч характерно то, что, используя образы и сюжеты мифологической древности, даосы «приспосабливали» их для своих собственных нужд, т. е. для того, чтобы говорить о внутреннем совершенстве человека, его движении по Пути (Дао). В этой связи жемчужина может трактоваться как своего рода энергетический центр, находящийся в человеке, канал, при помощи которого он может познать вселенную (или Дао). Отсюда – поиск жемчужины – это рассказ о способах открытия этого центра, приобщения к энергии вселенной (не случайно жемчужину находит тот, кто смотрит на берег реки «рассеянным» взглядом, т. е. расфокусированным, что вполне соотносится с даосскими техниками медитации).

По другой версии, Хуан-ди не удалось найти своей черной жемчужины, но там, где он ее потерял, выросло Тройное жемчужное дерево – чудесное дерево с тремя стволами и жемчужинами вместо листьев.

VI Небесные владыки

Боги четырех стран света

У каждой страны света – Востока, Запада, Юга и Севера, а также Центра – были свои верховные правители. Владыкой Востока был Тайхао (Фуси), а его помощником – дух дерева Гоуман, который держал в руках циркуль и ведал весной. Владыкой Юга был Янь-ди, а его помощником – дух огня Чжужун, державший в руках весы и управлявший летом. Владыкой Запада был Шаохао, а помогал ему дух металла Жу-шоу, державший в руках плотничий угольник и управлявший осенью. Владыкой Севера был Чжуаньсюй, его помощником – дух воды Сюаньмин, иначе называемый Юйцян, дух моря и ветра, в руках он держал гири и управлял зимой. Владыкой Центра и одновременно верховным правителем мира был Хуан-ди, а его помощником – дух земли Хоу-ту, который держал в руках веревку и управлял всеми частями света.

Все небесные владыки, включая Хуан-ди, имели в своем имени тот или иной цвет: владыка Центра – Хуан-ди именовался Желтым, владыка Востока Тайхао (Фуси) – Зеленым, владыка Юга Янь-ди – Красным, владыка Запада Шаохао – Белым, владыка Севера Чжуаньсюй – Черным.

С четырьмя странами света были связаны символические животные: с востоком – дракон, с западом – тигр, с севером – черепаха, с югом – феникс (фэнхуан).

Согласно преданиям, в те древние времена, к которым относятся истории владык стран света, не было непроходимой границы между землей и небом. Кроме того, божества, люди и животные могли иметь внешние черты и свойства друг друга.

Как небесные владыки поделили мир

Несказанно далеко к северо-западу от Китая находилась процветающая страна и называлась она Страной рода Хуасюй. В той стране не было ни правителей, ни вождей, люди не имели ни стремлений, ни страстей, следовали лишь своим естественным желаниям, и поэтому все жили очень долго, красиво и весело. Жители этой страны могли ходить по воде и не тонуть, проходить через огонь и не сгорать, летать по воздуху так же свободно, как и ходить по земле. Облака и туманы не мешали им видеть, раскаты грома не тревожили их слуха. Люди страны рода Хуасюй были и людьми, и божествами одновременно.

В этой райской стране жила девушка. У нее не было имени, и все ее звали Хуасюй-ши («рожденная в Хуасюй»). Однажды она отправилась на восток погулять к красивому, заросшему травой и деревьями, огромному Озеру Грома – Лэйцзэ – и увидела на берегу след ноги какого-то великана. Она удивилась и, шутки ради, наступила на этот след. Ступила – и тотчас почувствовала какое-то волнение, после чего забеременела и родила мальчика, которого назвала Фуси. Великан, оставивший свои следы на берегу Озера грома, был Лэй-шэнь – дух грома, существо с человеческой головой и телом дракона.

У самого же легендарного Фуси, ставшего владыкой Востока под именем Тайхао, также было, согласно разным преданиям, либо лицо человека и тело змеи, либо тело дракона и голова человека. Помощник владыки Востока – дух дерева Гоуман имел квадратное лицо и тело птицы. Рассказывают, что Гоуман был сыном владыки Запада Шаохао.

Рождение Шаохао было также необычным. Согласно преданию, его мать Хуаньэ была небесной феей. Она жила в небесном дворце и усердно ткала полотно, частенько засиживаясь до глубокой ночи. Однажды она, устав от работы, отправилась на деревянном плоту прогуляться по Серебряной реке (Млечному Пути). Обычно она доплывала вверх по течению до дерева Цюнсан, которое росло на берегу Западного моря. Это было огромное тутовое дерево высотой в десять тысяч чжанов. Листья его были красные, как у клена, ягоды – будто блестящие пурпурные кристаллы, крупные и сочные. Это дерево приносило плоды лишь один раз в десять тысяч лет, и тот, кто съедал его плод, мог жить значительно дольше, чем ему предназначалось природой. Хуаньэ очень любила кружиться под этим тутовым деревом. В те времена жил один юноша, выделявшийся своим обликом среди обычных людей: он называл себя сыном Белого Государя и был на самом деле не человеком, а звездой. Юноша спускался с неба к воде, играл на цитре и пел песни, веселился и шутил с Хуаньэ. Постепенно между ними зародилась взаимная любовь, и однажды, развлекаясь, они забыли о возвращении домой. Юноша вскочил на деревянный плот Хуаньэ, на котором она плыла по Серебряной реке, и вдвоем они приплыли к морю, освещенному луной. Они сделали мачту из ветви коричневого дерева, из ароматных трав сплели флажок и прикрепили его к мачте. Влюбленные вырезали из нефрита горлицу и укрепили ее на самой вершине мачты, чтобы она могла показывать направление ветра во все четыре времени года. Предание гласит, что птица-флюгер, которую впоследствии стали устанавливать на мачтах или крышах домов, происходит от этой нефритовой горлицы. Так двое сидели бок о бок на плоту, играя на гусях, сделанных из лучших пород дерева – тунгового и катальпы. Как только девушка начала петь, юноша вторил ей, и радость их была беспредельна. Впоследствии у Хуаньэ родился сын – плод их любви – по имени Шаохао, которого еще называли Цюнсан-ши («рожденный у дерева Цюнсан»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.